

МИКАЭЛЬ ЮРАС

Финалист
литературных премий
Prix de l'Inaperçu
и Prix Marcel-Aymé

Короткие Слова великие лекарства

Роман

Ключ
к счастью
находится
между строк
любимых книг.
Нужно только
уметь
его найти

Микаэль Юрас
Короткие слова –
великие лекарства
Серия «Мировая сенсация»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48610498

Короткие слова – великие лекарства: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-08933-5

Аннотация

Молодой парижанин Алекс имеет новую для Франции и редкую специальность: он библиотерапевт, то есть психолог, который лечит с помощью художественной литературы. Алекс выписывает рецепты: прочитать такую-то книгу, и выбирает ту, которая поможет человеку привести душу в порядок, а иногда изменить жизнь. Но теперь лечение книгами понадобилось самому Алексу: его спутница жизни Мелани возмущенно заявила, что книги интересуют его больше, чем она, и ушла от него. Алексу приходится налаживать одновременно четыре жизни – трех пациентов и свою собственную. Алекс верит, что в любой области новое – это лучшее, и решает полечиться литературой от профессионального выгорания.

В формате PDF A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Все началось с неприятности	5
Древние и современные	23
Домовладелица-консьержка, или Двуногий оксюморон	41
Зеркальце, зеркальце...	45
Немного ономастики	58
Он лжет, когда пишет, что ему лучше	63
Возвращение боли: этимология	70
Маленькая старушка и футболист в супермаркете	76
Немного высоты	85
Человек доброй воли	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Микаэль Юрас

Короткие слова – великие лекарства

Aux Petits Mots Les Grands Remèdes

© La Librairie Générale Française, 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается Анне, Таис и Леони

*Человек никогда не читает книгу. Посредством книг он читает себя или для того, чтобы узнать себя, или для того, чтобы контролировать себя.
Ромен Роллан. «Молния Спинозы».*

*Жизнь – это сон, который иногда становится кошмарным. Человек переносит кошмар, и жизнь продолжается.
Шарль Трене*

Все началось с неприятности

Имя пациента: Александр

История болезни:

Александр только что расстался со своей спутницей жизни Мелани. Точнее, Мелани решила покинуть Александра и их супружеское жилище. Ничего общего с фильмом Трюффо (кстати, восхитительным).

Мелани больше не могла терпеть отношение Александра к книгам. Такое, которое называют всепоглощающей страстью. Хотя все страсти такие, если они настоящие. Она больше не могла терпеть и другое – об этом мы поговорим позже. И вот она взяла и ушла, оставила его одного. Хотя не совсем одного: у него же остались его книги.

Александр находится в трудной ситуации, поэтому я заполнил этот бланк. Однако он продолжает работать. Его профессия помогает ему преодолеть это испытание. Он хочет снова завоевать Мелани.

План работы:

Читать, чтобы попытаться соблазнить ее снова.

Книга, рекомендуемая Александру:

Сёрен Кьеркегор. «Дневник соблазнителя».

Примечание: Александр – это я.

Я никого не оставляю равнодушным.

Каждый раз, когда дверь открывается, бывает одно и то же – то же недоверие, то же удивление, тот же мысленный вопрос: «Как я смогу выбраться из этого с помощью его книг?»

В лучшем случае мой собеседник адаптируется быстро, и мы почти сразу меняем тему, переходим к другой – к причине его прихода ко мне.

В худшем случае переход на этап «попытаемся» оказывается невозможным. Тогда я осознаю, что настаивать бесполезно. Я не открываю свою книгу. Я отхожу от этого человека или принимаю других, чтобы им помочь, а не чтобы создать дополнительную неприятность. Можно помочь, и не прикасаясь. И если ко мне обращаются, в это надо верить, хотя бы немного.

«Ты никого не оставляешь равнодушным». Моя мать говорила это сотни раз. Она преподавала литературу в университете и все же не могла подобрать слова, чтобы объяснить, что именно ее беспокоит.

Ее голос звучит в моей голове:

«Ты никого не оставляешь равнодушным.

Ты никого не оставляешь равнодушным.

Ты никого не оставляешь равнодушным...»

Копирование и вставка фразы – признание в нехватке словарного запаса. Специалистке по реалистическим романам ниже опускаться некуда.

Почему она целый день повторяла эту фразу? Может быть, она поняла, что я не пойду по ее пути. В ее мире все

люди были похожи, кроме меня.

Я благодарен ей за то, что она подсказала мне мою эпитафию. «Ты никого не оставлял равнодушным» – будет написано на моей могильной плите.

В остальном она дала мне мало. Эта мысль печалила меня, но это была правда. Моя мать знала все в своей области. Она была эрудитка, блестящий специалист, могла объяснить значение прилагательного, о существовании которого не знает большинство людей. Рассказать историю слова от его рождения на улицах Рима в годы правления Цезаря до современного смысла. Важнейшие вещи.

«Как? Ты не знаешь значение слова «аналепс»? Нет, это не постыдная болезнь. И не смейся, в этом слове нет ничего безнравственного. Аналепс – это РИТОРИЧЕСКИЙ прием!»

Она знала только это. Только слова, которые пугали своей непрозрачностью или вызывали смех своим сходством с другими, более смелыми терминами. А я относился к словам по-другому: я видел в них компрессы, которые точно накладывают на определенное место, чтобы они оказывали там свое действие.

Надпись крупными буквами «НЕ ЗВОНИТЬ» вынудила меня постучать в дверь. В некоторых домах агрессивность можно почувствовать уже на пороге с первым глотком воздуха. Когдаходишь к другим, надо уметь быть сдержанным,

иначе тебя быстро выставят вон. А я не хотел, чтобы это случилось. Я не привык ходить по квартирам, но иногда возникают ситуации, которые заставляют нас менять привычки.

Дверь открылась, и до моих ушей донеслось слово «Да?», которое конкретизировало природу беспокойства, вызванного моим приходом. Обычно входящего приветствуют словом «Здравствуйте», но в этом доме – нет.

Передо мной стояла женщина чуть моложе пятидесяти лет. К счастью, я ничего не продавал. Во время учебы я работал тайным покупателем в магазине бытовой электротехники, но этот опыт оказался неудачным. По мнению моего работодателя, я был недостаточно скрытным. На самом деле я не мог не предупреждать продавцов о своем присутствии. Подводить их под увольнение за то, что они, как эта женщина в дверях, не говорили «здравствуйте», казалось мне чрезмерным и губительным в стране, где любезность почти не существует. Тайный покупатель, который ищет идеальную стиральную машину...

– Здравствуйте, я Алекс. У нас назначена встреча на четырнадцать часов.

– Ах да, я вас ждала, – сухо ответила моя собеседница. – Входите.

Я вошел вслед за ней в темный бесконечный коридор, который напомнил мне лабиринты «Замка» Кафки.

Мои шаги по дубовому паркету звучали громко: слуховое последствие покупки слишком дорогих ботинок. Нужно бы-

ло бы указывать на обуви уровень шума, который она создаст, как на посудомоечных и стиральных машинах. Это позволило бы избежать многих неприятностей. Я не хотел эти башмаки. Мне было неудобно их носить: у меня возникало впечатление, что все смотрят на мои ноги, а это неприятно. Почему я сдался и ношу их? Ношу как память, тут нет сомнения. Я не оставлял равнодушным никого, кроме одного человека – кроме той, кого любил.

Хозяйка дома была чем-то вроде привидения в его логове. Призрак – сторож пещеры. От нее не исходило ни звука. Ее туфли-лодочки, конечно, были специально сделаны так, чтобы быть бесшумными. Еще я заметил, что она почти никогда не касалась каблуками пола. Можно было предположить, что она скользит над поверхностью по воздуху, как суда на воздушной подушке.

Мы пришли в большую комнату с ультрасовременной мебелью. Все предметы мебели были лакированы – зеркальные отражения гарантированы. Ей, должно быть, нравилось жить как в выставочном зале. Все было холодным и отталкивающим. К несчастью для моей хозяйки, я не декоратор интерьеров.

– Садитесь сюда, – велела мне она, указывая на стул, точнее, на какой-то предмет, который носил имя «стул», но не имел ничего общего с тем, на что я привык пристраивать свой зад.

В моем сознании летали, запертые как в тюрьме, сло-

ва «дизайн», «очищенный», «строгость», «окружающая среда». Эта комната словно сошла со страниц журнала, где пишут об интерьерах.

Я подчинился установленному порядку. Я не из тех, кто противоречит людям, которые впускают меня к себе. Моя собеседница осталась стоять, скрестив руки. Это защитное поведение, по мнению специалистов по языку тела, которых я всегда считал обманщиками.

– Как я недавно говорила вам по телефону, Ян особенный подросток, ранимый. Он был козлом отпущения в коллеже, и теперь с ним происходит то же самое в лицее. Мой супруг и я не понимаем, в чем причина этого ожесточения. Я бы предпочла равнодушие этому постоянному насилию. Теперь он проводит все время в своей комнате: я сделала его невидимым для других.

– Вы...

Она не позволила мне продолжить. Одно слово, и не больше. Это как минимум наступательное поведение, а возможно, и оскорбительное. Язык тела действительно идиотская выдумка: руки оставались скрещенными.

Ян был современной «Пленницей», новым воплощением героини романа Пруста. Запертый, чтобы больше не страдать.

– Если я обратилась к вам, то потому, что вы предлагаете интересный оригинальный метод. Мы хотим излечить нашего сына от этого недомогания. И мы пробовали все.

Моя собеседница делала на меня большую ставку. Я люблю чувствовать, что другой чего-то ждет от меня. Однако я не обещаю никаких чудес. Впрочем, кто может их обещать? Я никогда не верил в чудеса, только в силу воли. Хотя я еще вернусь к этой теме. Вернусь потому, что эта фраза, которая словно взята из руководства по хорошему самочувствию для толстяков-американцев, имеет границы применения. «Вы весите сто пятьдесят кило, и индекс массы вашего тела больше пятидесяти, но это не проблема. Немного силы воли – и вы сбросите сто кило за три месяца».

– Я схожу за ним. Пожалуйста, подождите меня немного.

Что, по ее мнению, я мог делать, если не ждать? Я сидел на своем вращающемся стуле; его способность вращаться я заметил, едва не сломав себе шею от желания увидеть все в этой огромной комнате. Окружающие предметы воспринимаются лучше, когда голова и туловище движутся в одном и том же направлении. Я делал круг за кругом; это было очень глупо. Эта детская игра может вызвать тошноту или неприятное ощущение. К счастью, я уже не ребенок. Я остановился.

У моих глаз есть плохая привычка искать книжный шкаф в каждом жилище, которое я посещаю. Книги, порядок, в котором они размещены, их состояние много говорят об их владельцах. В скольких квартирах не было ни одной книги, даже ни одного журнала? Места без чтения, изолированные от интеллектуальной жизни. Или места, где книги исполь-

зовали нестандартным образом – как подпорку под мебель, как ночной столик (сложив в стопку и ни разу не открыв). Или держали у себя фальшивую книгу – подделку, обложка которой часто бывала уродливой, но заглавие вполне реальное – «Роман мумии», только, к моему отчаянию, он был без слов...

Хозяйка дома попросила меня ждать ее, но не запретила перемещаться по комнате. Я встал перед примерно сотней книг. Книги по искусству. Ротко, Хоппер, Бэкон и Пляда. Полное собрание. Расставлены по алфавиту, как в библиотеке. Я случайно взял в руки одну из книг Бальзака. Но была ли это действительно случайность? Моя рука схватила том, который был толстым. Толщина всегда привлекает.

«Поиски абсолюта»; Балтазар и его безумие. Его разрушение, его отчаяние. Я вернул эту книгу в футляр. Хорошее собрание книг, которые невозможно читать. Слишком тонкая бумага, крошечные буквы, от которых можно ослепнуть. Платить так дорого за то, чтобы потерять зрение! Я заметил менее престижное издание: роман «У пристани» Гюисманса, зажатый в тиски между правой стенкой шкафа и Цвейгом, последним из Пляды. Я с трудом достал его оттуда, сломав при этом ноготь.

«У пристани» Гюисманса. Переход пирога к бабушке вызвал у меня кошмары, которые продолжались много недель. Кулинарные курсы, где учат готовить еду из мертвецов...

«– А ты тоже помнишь свою бабушку, малыш?»

Ребенок задумался. В годовщину смерти этой почтенной дамы дома готовят пирог с рисом, которому придают запах тела покойной. По какой-то странной причине она при жизни пахла нюхательным табаком, и с тех пор, как она умерла, его ароматом пропитывают цветы апельсина».

Романист, сошедший с ума. Испуганный читатель. Представить себе эту сцену, представить, как я ем свою бабушку! Не нужно было идентифицировать себя с героем, но уже поздно. И кошмары повторялись каждую ночь. Я на кухне, на мне великолепный фартук, завязанный на шее. На фартуке рисунок-принт – петух, красный, как кровь. Почему петух? Почему цвет крови? Не имею ни малейшего представления. Я готовлю себе на полдник пирог с йогуртом. Работа по рецепту закончена; я готовлюсь поставить форму в печь. Тут в кухню входит мой отец, протягивает мне коробочку с сероватым порошком и говорит: «Это твоя бабуля! Добавь это в тесто». Я не решаюсь на такое; он настаивает: «Это приказ!» Против своей воли я добавляю этот порошок. Через час мы, отец и сын, сидим за столом. Перед нами кусок пирога, и такой большой, что под ним не видна десертная тарелка, на которой он, должно быть, лежит. Я ем свою бабушку. Мой отец всегда ее ненавидел. К моему удивлению, вкус приятный. Я беру вторую порцию. И тут под моим зубом трещит что-то твердое – конечно, осколок кости. Я громко кричу.

Кошмар, достойный фильма ужасов, снятого кинематографистом-любителем. Бюджет крошечный, но эффект га-

рантирован.

Я сажусь обратно на свой вращающийся стул. Немного покручусь на нем: это успокоит мой страх перед Гюисмансом и сделает немного приятней мрачную атмосферу этой квартиры.

– Ян придет через пять минут; он заканчивает одеваться.

Я уронил роман, и тот упал на идеальный паркет. Я снова подумал о своих попытках настелить у себя в кабинете паркет – одно из тех изделий, которые владелец «устанавливает самостоятельно», и для продавца установка паркета была «детской игрой»... Мне так и не удалось это сделать! Паркет почти везде поднимался, и это делало кабинет опасным для того, кто не знал топографию пола. И сколько часов я потерял зря, скорчившись, с резиновым молотком в руках. У матери Яна паркет был гладким, как лед на катке зимнего курорта класса люкс.

– Извините меня, пожалуйста: я не смог устоять перед искушением посмотреть ваше собрание книг.

– Пожалуйста, смотрите сколько угодно! В них больше уже никто не заглядывает. У меня нет желания, а мой муж заходит к нам лишь ненадолго. Что касается Яна, вы скоро поймете, что у него другие интересы.

– Однако ваше собрание, осмелюсь сказать, не отстает от времени.

– Да, я забочусь о том, чтобы регулярно покупать книги. Ян в конце концов начнет их читать. Или это сделают его

дети... Простите, я даже не представилась. Меня зовут Анна.

Анна – солнечное имя в полумраке.

– Он начнет их читать, это несомненно.

– Не хотите ли кусок пирога, пока ждете? Наша кухарка отлично готовит пироги. Если вам нравится начинка из цветов апельсина, это будет для вас настоящее наслаждение.

– Нет, спасибо. Вы очень любезны, но я совершенно не люблю цветы апельсина.

Иногда литературе удается поймать жизнь. Может быть, потому, что все уже написано. А может быть, потому, что людей, которые пишут, становится все больше. Существуют миллионы авторов и миллионы читателей. Что касается меня, я никогда не писал и никогда не буду писать. Я слишком много прочитал для того, чтобы писать: заниматься плагиатом мне не интересно.

Предложение хозяйки дома зародило во мне сомнение. Почему она вдруг стала мне угождать и начала улыбаться? До сих пор она видела во мне «объект», который может помочь ее сыну – GPS или программу проверки орфографии. Теперь она произвела меня в звание человека. Что-то вроде повышения. За этим обязательно что-то скрывалось. Что именно, я узнал через пять минут, когда она разыграла передо мной сцену из «Покинутой женщины»¹. Она заговорила о своей печальной жизни и о своем отсутствующем муже. Дол-

¹ «Покинутая женщина» – роман Бальзака, вышедший в свет в 1832 году. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

гие часы у окна. Ожидание. Ее сын, его проблемы. Разумеется, моя жизнь ее совершенно не интересовала. Ее монолог был усеян местоимениями «я», а местоимение «вы» исчезло. Жорж Перек прекрасно сочинял липограммы². У Анны так же прекрасно получился липомутос³. Это слово – неологизм из числа тех, которые ненавидела моя мать. Она видная участница Ассоциации защиты французского языка – клана, который изобилует университетскими преподавателями, чья карьера идет к закату.

Это как Французская академия, только хуже. За подобный неологизм она бы задушила студента, способного на такое кощунство. Человек получает такой мятеж, какого достоин.

Десять минут нескончаемого монолога. Однако эта женщина должна была уплатить мне вознаграждение за работу, поэтому я старался быть терпеливым и вежливым. Как зритель в театре, если пьеса слишком длинная.

Закончив свою речь, она казалась обессиленной. Она сказала все, влила свою жизнь в мои уши. Больше не осталось ничего.

– Я пойду взглянуть, что делает Ян.

И она снова ушла на встречу со своим подростком. На этот раз вернулась с листком бумаги в руке и с искаженным лицом.

² **Липограмма** – литературное произведение, в котором автор добровольно обходится без одной или нескольких букв алфавита.

³ Буквально – исчезновение слова.

– Ян сегодня не может встретиться с вами: он сильно устал. Вам придется вернуться сюда завтра. Извините его. Извините меня за то, что я настаивала, чтобы вы пришли сегодня днем. Он предупредил меня о своей усталости.

– Ничего страшного, я все понимаю. Я вернусь завтра в то же время.

– Возьмите это, – сказала она, подавая мне листок. – Ян захотел написать вам эту записку.

– Спасибо. Я ее прочитаю.

Анна молча проводила меня до двери: нужно было не заблудиться, выходя из этого замка.

– Итак, до завтра, – сказала она с тревогой. – И не беспокойтесь, я оплачу вам этот визит.

– Я не беспокоюсь. До завтра.

Людам, которые в своей профессии не производят ничего конкретного, физического, иногда бывает трудно получить плату за свою работу. Много раз я не получал за мой труд ничего, кроме неприятностей. Преследование не желающего платить должника с бухгалтерской книгой в руке в знак угрозы давало лишь очень слабый результат. Кто, кроме школьников, боится книг?

Было пятнадцать часов, мой день был испорчен. Я отменил две встречи, чтобы увидеться с Яном. Я дошел до бара (судя по вывеске, пивного), где обычно пил кофе по утрам.

– Здравствуйте, Алекс. Кофе, как обычно?

– Да, пожалуйста.

Хозяин был очаровательным человеком; особенно я ценил в нем единственную фразу, с которой он обращался ко мне каждый день: «Здравствуйте, Алекс. Кофе, как обычно?» В его фразе никогда ничего не менялось, словно в его словаре не имелось других слов.

На улице было необычно тепло для ноября. И кофе, который принес хозяин, мне не понравился. Слишком горячий. Слишком крепкий. Нужно было заказать какой-нибудь прохладный напиток. Вставая, чтобы расплатиться, я уронил записку, которую прислал мне Ян. Развернув листок, я прочитал:

«Алекс, мне очень жаль. Моя мать (хотя она много говорит), конечно, рассказала вам не все обо мне. Меня зовут Ян, и мне семнадцать лет. Шесть лет назад я попал в ужасную автомобильную катастрофу. Машину вел мой отец. Мой язык был изрезан на части, лицо смято. С тех пор я не могу произнести ни слова. Я немой. Кроме того, у меня бывают ужасные головные боли. Я не выношу шума. Обо всем этом она вам не сказала, я уверен. Она слишком боялась, что вы не придете. Теперь вы знаете, кто я. Вам решать.

Ян».

«Франция находится в полосе удивительно хорошей для ноября погоды. В некоторых регионах дождя не было уже два месяца. Станет ли СПИД скоро хронической болезнью? Беседа с профессором Фаржоном в конце нашего журнала.

Этим летом заметно увеличилось количество краж автомобилей. Мы сообщим вам список марок, которые больше всего нравятся ворами. Сборная Франции, продолжая свое зимнее турне, одержала убедительную победу над сборной Англии со счетом 3:0. Следует отметить дубль звездного нападающего Энтони Полстры».

Чтобы просыпаться под голос радио, нужно чертовски много мужества и приличная доза одиночества. С тех пор как Мелани решила судьбу нашей совместной жизни, я слушал радио. Она больше не была рядом, чтобы говорить со мной. Ее голос еще отдавался слабым эхом в моей голове. Мелани больше нет рядом, чтобы сказать мне «пора вставать». Я заменил ее предметом. Светящимся. Точным. Не ошибающимся. Но он никогда не тянулся ко мне и не касался моего тела, как Мелани касалась моей руки. Ее ладонь на моей руке, которую она крепко сжимала, чтобы остановить мой храп.

Я много читал, чтобы забыть, – не получилось. Это уже слишком.

«Сапожники всегда обуты хуже всех. Недавно проведенное исследование показало, что врачи не лечат себя...»

Я выключил радио. Если врачи отказывались лечить себя, это могло быть потому, что они боялись терпеть два или три часа в приемной, чтобы попасть... в собственный кабинет или в кабинет своего коллеги. Боялись печальной судьбы, уготованной для черни, для невежд в медицине. К сча-

стью, врачи умирали, имея плохое здоровье.

Каждое утро отсутствие Мелани было вспышкой, фейерверком, овладевавшим квартирой. Дождем черных ракет в освещенной комнате. И все же надо было выбираться отсюда и пытаться помочь другим. Ян; я должен увидеть Яна. Опустошенный подросток. К счастью, я знаю писателя, который мне поможет, – Сэлинджера. Он пишет так, как думают подростки. Мизантроп Сэлинджер, который способен заставить замкнутых и недоверчивых людей полюбить литературу. «Над пропастью во ржи»!

Когда закончился радиожурнал, я наконец встал. Над моей комнатой безжалостно господствовало зеркало-псише – воспоминание об иной эпохе. По правде сказать, до встречи с Мелани я даже не знал, что предметы такого рода существуют. Общий вид. Туловище между двумя стойками. Худой; видны вены. Грудь? Нет, никаких висящих сосков. Ноги длинные и стройные. Волосы короткие. Я мог бы выступать на подиуме для кого-нибудь из создателей моды, если бы был женщиной!

Мелани нравился мой неброский силуэт. Невероятно, но на этой земле человек всегда в конце концов встречает человека, которому он нравится. Я хотел увидеть ее в последний раз. Поговорить с ней. Чтобы сказать что? Об этом я не имел никакого представления. Поговорить с ней о книгах, как всегда. О книгах про любовь. Например, про роман «Влюбленные». По-французски он называется «Красавица

господина». К сожалению, я плохо представлял себя в роли «господина» и еще хуже в роли «красавицы». А об этой книге говорили все, даже политики. Нужно быть более оригинальным. Более современным.

Я написал ей текстовое сообщение: это лучший способ приблизиться друг к другу, не приближаясь. Когда пара растается, тот, кто покинут, добивается у другого аудиенции, как раньше добивались у правителя или папы. Тут все дело в иерархии. Но мое мужество, о господи, куда делось мое мужество? Оно пропало! Нужно было просто нажать на кнопку «Отправить». Простое нажатие, слабее того, которое нужно, чтобы нажать кнопку лифта. Очень легкое; это мог бы сделать и ребенок. Скажем, двухлетний ребенок. Но я не смог. Я оказался не лучше грудного младенца. «Детство... повсюду», – говорил Людовик XIV, и был не прав! Я записал свое сообщение в черновики. Там оно и останется до тех пор, пока я не найду свое мужество, а для этого мне потребуется немало времени.

Я снова подумал о Яне и ужасном содержании его записки. У него отрезан язык. Как у маленькой Эллен Джеймс из романа «Мир глазами Гарпа». Такие ассоциативные связи никогда не давали мне покоя. Литература во всех случаях, мне это уже противно. Вы любите суши? Только суши маки с лососем? Попробуйте есть их утром, днем и вечером двадцать лет подряд – вы превратитесь в рыбу.

Последнее желание: сожгите мое тело и выбросите пепел

в море. Желательно в Норвегии.

Древние и современные

Коридоры больницы. Они недавно покрашены заново, и от этого почти хочется здесь пожить. Как будто цвет много значит в нашей жизни.

В регистратуре сидит все та же молодая женщина. Она смотрит на меня, не отводя глаз. Уже месяц, как я прихожу сюда два раза в неделю. А она до сих пор смотрит на меня с удивлением: «Что он здесь делает? Он не врач...»

Антуан, начальник отделения, тоже хотел бы знать ответ на этот вопрос, но не смел спросить. Он долго учился, и его родители объяснили ему, что нельзя задавать некоторые вопросы, потому что они беспокоят людей. Прекрасное образование. Он умирал от желания узнать, что я делаю с его пациентами и своими книгами.

– Здравствуйте, Алекс. Надеюсь, что скоро опять встречу с вами. Не стесняйтесь зайти сюда, когда у вас будет свободная минута.

– Рассчитывайте на меня, Антуан.

Я не знаю, вернусь ли когда-нибудь сюда. Я прихожу, если меня зовут.

– Кстати, вы получили мое сообщение по поводу Жака Бюри? Вы не ответили мне.

– Да, я его прочитал. В последнее время у меня было много работы, но я рассчитывал ответить вам. Спасибо за ин-

формацию.

– Пожалуйста. Со своей стороны я должен поблагодарить вас за то, что вы посоветовали мне прочитать Буццати. Я был в восторге от «Охотников за стариками».

Антуан выбрал гериатрию потому, что хотел полной власти над своими пациентами. Желал могущества. Прожив восемьдесят лет, люди реже повышают голос, реже бунтуют, не подвергают сомнению проводимое врачом лечение из-за того, что прочитали статью в Интернете. Они молчат. Они устали. Этот врач был счастлив такой специальности: она давала ему время читать, выходить на люди, просто жить. И очаровывать. Быть всемогущим врачом. Он был очень мил, этот Антуан. И уверен в себе. Но одно он не рассчитал – возраст посетителей. Разумеется, он прекрасно знал, что у него никогда не будет приключений с его больными. Ох, это был бы ужас! Нельзя смешивать чувства и профессию – кушетки, вставные челюсти, слуховые аппараты. Никакого риска. Порядочность профессионала. Но ведь к пациентам приходит много посетителей – и посетительниц. Он, несомненно, сможет обмениваться фразами, улыбаться, очаровывать. Сможет жить. Однако кто приходит навестить стариков? Их дети. Дочь старика в лучшем случае пожилая женщина, в худшем уже умерла. Внуки – более доступные мишени, но они приходят редко. У них так много дел в других местах. Поэтому Антуан набрасывался на всех, кто не пользовался ходунками, мужчин или женщин, на всех, кто слышал более или

менее хорошо, на всех, кто видел, не щуря глаза. К примеру, на меня: спортивная походка (на самом деле она – приманка, как у служащих на собачьих бегах, которые этой походкой взбадривают борзых), работающие уши, которые без ущерба для себя пережили бесчисленные отиты в годы моего детства, и глаза, которым никогда не были нужны очки. Несмотря на свою безмерную любовь к чтению, я единственный в нашей семье не носил их. На фотографиях семейных встреч видно только это – моя голова без очков среди множества голов в громоздких и более или менее уродливых оправках. К несчастью, очки не всегда были модным аксессуаром.

Что касается моих ушей, в первые годы моей жизни они были главной причиной беспокойства родителей. Как такая маленькая барабанная перепонка смогла выдержать столько атак? Даже наш старый семейный врач от изумления забывал все, что написано в справочнике лекарств «Видаль» (хотя я сомневаюсь, что он, с его особой специальностью, знал о существовании этого справочника).

При каждой консультации он пытался все глубже заглянуть в мой слуховой проход, чтобы лучше видеть – но безуспешно. Я садился на смотровой стол, врач становился на него коленями, чтобы оказаться немного выше, и приближался к больному уху. Он наклонял мою голову, и путешествие по извилинам моего уха начиналось (удивительно, но в правом ухе словно было какое-то противоядие от отитов). Что он мог увидеть? Что он искал? Зверька? Микроб, кото-

рый вырос таким большим, что врач мог бы поздороваться с ним, глядя ему в глаза? Старый врач никогда ничего не находил. И мы, я и мои родители, уходили от него все с тем же рецептом – с антибиотиком, который излечивал все, что доктора были неспособны увидеть.

Итак, Антуан, Антоний, был, как Цезарь, потенциальным мужем всех женщин и женой всех мужчин, которые попадали в коридоры его отделения.

– Доброе утро, Жак; как вы чувствуете себя сегодня?

– Очень хорошо, Алекс; так, что лучше не может быть.

Через час я ухожу отсюда. Видите, какой я элегантный.

Я в первый раз видел Жака стоящим на ногах и не в больничной одежде. Он снова становился гражданским человеком, который может гулять по улицам Парижа без капельницы. Свободным от химии, которую уже много лет вливали в его тощее тело. Однажды он объяснил мне, что болен очень давно. Его проблемы со здоровьем начались в его сороковой день рождения. Он упал в обморок перед праздничным пирогом, купленным у лучшего кондитера в квартале. Может быть, это синдром Стендаля⁴. Упал без чувств перед великой красотой пирога, как писатель перед «Рождением Венеры».

Потом он стал набирать недуги один за другим, как добавляют одну за другой подвески в ожерелье. Его история болезни была длинной, как «Человеческая комедия». Воплощен-

⁴ **Синдром Стендаля** – психосоматическое заболевание, симптомы которого впервые описал Стендаль (1783–1842), возвращаясь из Флоренции.

ный словарь болезней. К счастью, все это скоро закончится.

– Вы великолепны. Чтобы отпраздновать ваш уход, я принес вам маленький подарок – «Мемуары шулера» Гитри. Это забавно. А поскольку вы любите грибы, не будете разочарованы. Юмор и еда – все, что вам нравится! «Нас было двенадцать за столом. В один день из-за блюда грибов я остался один во всем мире». Больше я вам ничего не скажу.

– Спасибо, Алекс. Я очень хотел поблагодарить вас за все, что вы сделали. Но у меня есть для этого только слова. Подарка нет! Надо сказать, что в этих стенах есть мало того, что можно подарить. И к тому же слова – это ваше дело! Поэтому я надеюсь, что их будет достаточно.

– Разумеется, их достаточно! Большое спасибо. А теперь вы должны бежать на другую встречу. До свидания, Жак.

– До свидания, Алекс. Мне очень повезло, что я встретил вас.

Жак улыбался. Ему оставалось жить несколько месяцев. «Теперь старик – он. И его очередь пришла». Эта фраза Буццати непрерывно звучала в моей голове.

Смысл сообщения, которое врач Антуан прислал на мой электронный почтовый ящик, был ясен: «Жак Бюри покидает наше отделение. Мы с ним пришли к соглашению на этот счет. Его болезнь достигла стадии, на которой мы уже ничего не можем для него сделать. Ему восемьдесят два года. Он должен с пользой прожить то малое время, которое ему

осталось».

Врачебная тайна была для Антуана святыней, и поэтому я не должен был бы знать эту новость. Жак Бюри скоро умрет. Я об этом догадывался; впрочем, об этом, должно быть, знали даже больничные уборщицы. Я был счастлив, что принес ему несколько минут покоя. Мы читали вместе, чтобы улыбаться, чтобы смеяться, иногда забывая, что находились в отделении гериатрии. Это были путешествия посредством слов. Саша Гитри и его истории о смертоносных грибах обещали Жаку еще несколько прекрасных минут.

Остальная часть сообщения состояла из многочисленных и разнообразных попыток встретиться со мной за пределами больницы. Я должен был ему ответить: борзой, который без остановки гнался за приманкой, начинал уставать. Но я не хотел прекращать свой бег. Антуан ведь кончит тем, что найдет в больничных коридорах другой объект с интересными характеристиками. Я бы, конечно, написал ему, что Мелани ушла, потому что я и сам могу слишком много сказать об этом человеке, которого почти не знаю. У меня нет никаких оригинальных высказываний о моих сердечных горестях, только жалкое нытье. Человек часто бывает жалким, когда жалуется. Я вспомнил моего университетского друга Максима. Тот непрерывно заливался слезами и часто дышал, потому что его покинула, холодно простившись, любимая девушка – студентка, изучавшая психологию животных (в университетах есть курсы на любую тему). В таких

случаях первые минуты после шока имеют важнейшее значение. И разумеется, вокруг «раненого» собралась группа друзей (около десяти человек). Я был в их числе. Вот только чем больше дней проходило, тем больше мы осознавали, что Максиму приятно горевать и что горе, которое сначала трогало наши души, теперь начинает нас раздражать, причем всерьез. Сочувственно предлагаемые носовые платки, дружеские хлопки по спине, фразы «все будет хорошо» и «она в конце концов вернется» становились все реже. Мы были уверены, что специалистка по животным не вернется. И она была совершенно права. Из десяти помощников осталось восемь, потом шесть. Кончилось тем, что однажды вечером Максим остался один. И тогда он перестал скулить.

Поэтому, хорошо подумав, я решил, что напишу Антуану, но не буду жаловаться. Просто посоветую ему участвовать в приеме на службу санитаров. Среди кандидатов, несомненно, есть очень красивые юноши и девушки, которых привлечет престиж униформы и его собственный престиж. Он сможет обольщать их – мужчин и женщин, Никомеда или Клеопатру, как Цезарь со своего трона.

Возвращаясь из больницы, я получил по электронной почте странное сообщение: меня просили дать номер моего телефона в целях возможного сотрудничества. Те сюрпризы, которые действительно достойны этого названия, происходят, когда ничто не позволяет их предсказать. Кто в Рождество посчитает сюрпризом подарок? Но я был потрясен

уровнем правописания автора:

«Не магли бы вы аставить мне номер мобильника штоп я вам пирезванил? Спасибо. Вы будете мне нужны».

Не ребенок ли это? Слова, которые мы выбираем, всегда позволяют определить наше положение в обществе. В этом случае я подумал о человеке, который очень рано прекратил учиться в школе.

Разумеется, я «аставил» ему свой номер. В конце концов, разве библиотерапия и незнание орфографии несовместимы? Разве величайшие писатели не проходят испытание корректированием? Корректор перечитывает, изменяет, преобразует целые абзацы их произведений – разумеется, всегда сохраняя верность произведению. Мне было любопытно встретиться с этим человеком. Мое ночное электронное сообщение было прочитано за минуту, потому что почти сразу мой телефон зазвонил. Номер, с которого звонят, скрыт. Я инстинктивно нажал «Ответить», рискуя попасть в сети центра обработки вызовов, который проводит опрос по поводу применения тройных стекол в континентальном климате.

– Добрый вечер. Библиотерапевт – это вы?

Этот голос вызвал у меня смутные воспоминания. Он не был мне совсем незнаком. Может быть, это шутка. По порядку слов понятно, что я для собеседника – единственный библиотерапевт в мире. Библиотерапия – это я один.

– Да, добрый вечер. Называйте меня Алекс.

Магическое пересечение текстов, о котором мой собеседник ничего не знал: я только что процитировал Германа Мелвилла, его «Называйте меня Измаил». Мой талант явно не имеет себе равных... Стоя на капитанском мостике, готовясь загарпунить кита, я ждал, что будет дальше.

– Хорошо, Алекс. Ну а я – Энтони. Это вам подходит?

– Не важно, какое у вас имя. Вам нужен терапевт?

– Да; во всяком случае, я думаю, что да. Это сложная история.

Все пациенты считают свою ситуацию сложной. Иначе почему бы они приходили ко мне? Я не мог представить себе, чтобы один из них связался со мной с целью сказать, что его жизнь удалась, что он и его жена – идеальная любящая пара и что он преуспевает на работе. Когда у человека все хорошо, он идет к книжному шкафу или в библиотеку, а не к библиотерапевту.

– Вы хотите поговорить со мной сейчас? Или предпочитаете, чтобы мы встретились позже?

– Я вам мешаю?

– Нет,нисколько. Я оставляю выбор за вами.

Произнося глагол «оставить», я мысленно увидел перед собой «аставить» из его сообщения. Нужно изгнать эту «вещь» из моего ума. Изыди! Иначе как я продолжу разговор, не объяснив Энтони, что в письменной речи у фонетики есть границы?

– Это мило.

– Пожалуйста, не надо: это естественно. Так скажите мне, сейчас или позже?

– Пожалуйста, сейчас.

– Очень хорошо.

– Я живу в суровой мужской среде. Это мне нравится. Но я, скажем так, иногда чувствую себя не таким, как другие.

– В каких случаях... ях... извините. Этой ночью я плохо спал, так всегда бывает со мной в полнолуние.

Я не смог подавить зевок. Мне редко случалось работать до такого позднего времени. И рано работать тоже. Я работаю днем, у меня график как в учреждениях. Я чиновник в терапии. Но необычные ситуации и приключения привлекают меня. Просто моему телу нужно приспособиться к такому положению. По крайней мере, я немедленно отдавал телу приказ это сделать. А о полной луне я сказал лишь для того, чтобы найти правдоподобный предлог. Оставалось только надеяться, что мой собеседник не астроном.

– Я футболист. Понимаете, в футболе много двигаются, задевают один другого, толкаются. Футболисты не очень-то ласковы друг с другом. И нужно давать отпор, иначе потеряешь репутацию.

– А кроме футбола, какая у вас профессия? Простите меня за любопытство, но мне нужны подробности, чтобы хорошо понять ситуацию.

– В вашем вопросе нет ничего плохого. Я профессиональный футболист. Футбол – моя профессия.

Когда я был ребенком, у моей матери была жуткая привычка в те дни рождения, которые мы с моими друзьями отмечали у нас дома, делиться с нами своими большими познаниями в литературе. Кажется, у нее были хорошие намерения; она желала заинтересовать и развлечь нас, чтобы мы не устроили разгром в моей комнате. Если бы она была парикмахершей, то говорила бы о том, какие длина и объем волос сейчас в моде; если бы она была врачом, то давала бы нам уроки того, как надо мыть руки, чтобы не позволить микробам размножаться. Но она преподавала литературу в университете.

В день, когда мне исполнилось десять лет, она говорила нам о синонимическом повторе – средневековом литературном приеме, когда одну и ту же мысль повторяют в разных формах. Чтобы настоять на своем. В этом телефонном разговоре Энтони желал убедиться, что я верно понял значение слова «профессионал». Поэтому он, как моя мать, применил повтор, чтобы я правильно понял его мысль.

– Да, я понял: вы зарабатываете на жизнь футболом.

Третий повтор. В конце концов, я тоже имею право изобретать слова. Если хорошо подумать, было очень жестоко говорить на дне рождения о риторике.

– Да, это так.

– А что вас беспокоит?

– Я плохо принимаю свою непохожесть.

– В чем вы чувствуете себя непохожим?

Несмотря на усилия моей хорошо тренированной воли, мое тело не желало подчиняться моему желанию. Мышцы моего лица и моей диафрагмы снова сократились. Мое тело отключалось. Человек не всегда хозяин себе самому. Я часто терял лицо из-за этого несовершенного организма, но когда-нибудь он заплатит мне за это. Обязательно заплатит. Например, когда я куплю абонемент в спортивный зал.

– Я оставлю вас отсыпаться. И позвоню вам завтра, возвращаясь с тренировки. Около одиннадцати часов; это время вам подходит?

Я уступил настойчивости моего собеседника и принял его предложение. Футбол – среда, зараженная допингом, не лечением книгами. Допинг так изменяет физические способности человека, что это может сравниться с мутацией. Человек больше не устает. Я никогда не принимал допинг, разве что допингом признали бы парацетамол и внесли бы его в список запрещенных препаратов.

На этот раз Анна, открывая дверь, улыбнулась мне. Сверкающие зубы свидетельствовали о ее огромной любви к уходу за ними. Чтобы добиться такого блеска, ей, несомненно, нужно в течение года три раза чистить их от камня и два раза отбеливать. Это был удар по моему страху перед дантистами. Я-то медлил у телефона несколько недель перед тем, как записаться к зубному врачу. Самый легкий предлог (забастовка парижских транспортников, плохое предзнаменование,

поломка обогревателя...) становился основанием, чтобы надолго отсрочить такую встречу. Когда представится случай, я спрошу Анну, как ей это удается.

Анна заговорила об удивительно мягкой погоде. Радио создает шаблоны и сглаживает разницу между беседами. Все говорят об одном и том же. Погода – тема, которую от безнадежности выбирают тщеславные люди. Потом она провела меня в комнату Яна. Дверь была приоткрыта, Анна постучала в нее и пригласила меня войти. А сама осталась на пороге и закрыла дверь, как только я оказался внутри.

Ян сидел; я видел только его спину. По его позе я понял, что он что-то пишет. Наконец он повернулся. Я никого не оставляю равнодушным, Ян тоже. На его лице оставила свои метки авария. Это было лицо воскового манекена: ничего подросткового, все застыло. Никаких изменений в будущем. Только глаза были в состоянии выразить чувство. Сейчас это было удивление.

Он протянул мне свой планшет. Там было написано:

«Я буду должен все писать. Я вам не лгал. Вы уже увидели, как я устроен, – неудачная скульптура».

– Вы написали эти слова заранее. Вы ожидали, что я буду удивлен, но я замечаю, что вы сами тоже удивлены, что видите меня. Значит, у нас есть одна общая черта: мы никого не оставляем равнодушным.

«В тот раз вы произвели на мою мать яркое впечатление. Она задавала себе множество вопросов о вас. Она представ-

ляла вас другим – с более солидной походкой, в костюме. Она заметила в вас что-то женственное... Но она слишком застенчива, она не осмелилась заговорить с вами об этом. Родители научили ее никогда не беспокоить других и плакать в своем углу. Она ледяная, верно?

А я совершенно перестал быть щепетильным с тех пор, как выражаю свои мысли только с помощью клочков бумаги или планшета. Я пишу то, что думаю. Вы, должно быть, полагаете, что это ничего не значит: преимущество быть инвалидом – то, что мне все прощают».

– Я могу понять удивление вашей матери. Я не часто одеваюсь так, как положено человеку моей профессии. Что касается некоторой моей женственности, я полностью с этим согласен. Говорят, что женственность – качество, которое есть у любого человека. Но это не важно. Однако остерегайтесь своего привилегированного положения. Не всем выпадает удача быть инвалидом. Вернемся к вашей матери. Я считаю ее очаровательной.

Не знаю, поверил ли Ян моим словам о своей матери. Возможно, в первый раз кто-то назвал ее очаровательной. На самом деле в ней не было ни капли очарования, но мне трудно было сказать это ее отпрыску.

«Вы действительно думаете, что можете мне помочь? Я видел немало господ с прекрасными дипломами, которым мой случай оказался не по зубам».

– Я никогда ни в чем не бываю уверен, когда начинаю ве-

сти пациента. Сомнение – часть моей системы. Я не врач. Врач никогда не должен сомневаться. Я хотел бы прочесть вам для начала один текст:

«Война началась в величайшем беспорядке. Этот беспорядок не прекращался до самого ее конца, и вот почему. Короткая война могла бы стать лучше и, так сказать, упасть с дерева, но война, продлеваемая из-за чьих-то странных интересов, насильно прикрепленная к ветке, все время предлагала улучшения, которые были первыми опытами и уроками.

Правительство только что покинуло Париж, или, как наивно сказал один из его членов, переехало в Бордо, чтобы организовать победу на Марне...»

Я прочел Яну пятнадцать первых страниц романа Кокто «Самозванец Тома». Он слушал не прерывая. Когда ему хотелось что-то сказать, он нервно писал это на листках бумаги, потому что разрядился планшет. Шуршание бумаги меня раздражало. Первый текст – самый важный. Он позволяет увидеть, насколько глубоко мои слова могут проникнуть внутрь слушателя. Насколько он проницаем для литературы. Вначале слушатель или губка, или камень. Если надо преобразовать камень, работа библиотерапевта бывает сложной. Но какое удовольствие, когда ты добиваешься успеха!

В данном случае Ян наслаждался словами Кокто и этой изумительной историей о лжеце. Он вернулся в детство, когда его мать, чья душа еще не сжалась в комок, рассказывала ему истории перед сном. Чтобы подобраться к своим па-

циентам, я должен окунать их в ванну с доверием. Преграды падают легче, когда пациент лежит в тепле под одеялом и слушает своего самого любимого человека. Я люблю тебя, мама. Побудь со мной еще немножко. Ян, конечно, ни о чем не догадывался. Как другим, ему было нужно затеряться. Забыть материальные обстоятельства, чтобы полностью открыть себя литературе.

Я выбрал Кокто потому, что он идеально соответствовал положению, в котором находился Ян. Светский писатель с... как бы это сказать... надменным голосом. Да, именно надменным. Читать Кокто в красивом буржуазном доме? Мне не хватало перчаток, носового платка в нагрудном кармане и костюма, сшитого точно по фигуре. Кокто – Прекрасный Голос. Погружение в архивы ИНА⁵, в пыль.

Когда я закончил читать, Ян протянул мне свой блокнот.

«Вы не могли бы продолжить чтение?»

– С удовольствием.

И я продолжил. Сорок минут чтения вслух. Удовольствие от текста. Приключения Тома. Романтизм, война, любовь. Надежда, что не умрешь. Я отрывался от земли, поднятый словами Кокто, которые всегда в конце концов увлекали за собой вверх и его. Я отрывался от земли, играя комедию (плохо играя), произнося каждый восклицательный знак, каждый вопросительный знак, как преподаватель, который желает произвести впечатление на слушателей-подростков,

⁵ ИНА – Национальный институт аудиовизуальных документов. (Примеч. пер.)

но, обеспокоенный внезапными движениями голов и все более многочисленными вздохами, в конце концов понимает, что половина класса мирно спит.

Внезапно Ян прервал меня, написав:

«Я устал, остановимся на этом. У меня очень болит голова».

– Хорошо. Я счастлив, что этот роман вам нравится. Оставляю его вам. В следующий раз мы поговорим о нем.

В Яне не было ничего от идеального клиента. Если бы он не был так изуродован, я бы его возненавидел. Как он посмел прервать меня в разгар чтения? Может быть, он почувствовал, что я немного переигрываю?

Но в одном он был прав: людей, чья жизнь – мучение, охотнее прощают. У меня в уме все было ясно. Я надеялся снова увидеться с ним, чтобы попытаться пробить стену, которую он построил между собой и другими. И мне были нужны деньги. Мелани ушла, и я должен один платить за квартиру, а владелица дома женщина раздражительная и живет на одной лестничной площадке со мной. Она не чувствует литературу, ее невозможно растрогать, она наблюдает, как я прихожу и ухожу и при этом серьезна, как немецкая овчарка. Я чувствовал за дверью неприятное дуновение: это она дышала. Я не люблю домашних животных. Я боюсь их с детства. С того дня, когда я, приглашенный на день рождения к другу, оказался нос к носу с большой семьей далматинов, а мои руки были заняты подарками. Далматины были такие

же, как в мультфильме, но с клыками. Отец моего друга стал профессиональным заводчиком этих собак после того, как в одно дождливое грустное воскресенье сводил своего сына в кино. Там показывали классику Диснея. В тот день рождения собаки воспользовались приходом маленького товарища, который, в отличие от меня, принес только один хрупкий пакет с подарком, и решили лично встретить меня. Мне нужно было убежать, не потеряв мои дары. Это было нелегко. Даже невозможно. И наконец я пожертвовал пакетами ради спасения своих икр. Я вернулся домой весь в поту, волосы у меня на руках стояли дыбом. Моя мать была погружена в чтение и не заметила моего присутствия, несмотря на сопровождавший меня сильный запах пота. Я решил уничтожить видеокассету VHS со «Сто одним далматинцем».

Домовладелица-консьержка, или Двуногий оксюморон

На площадке за мной ведут слежку. Я должен скорее найти ключ и убежать, спрятаться в укрытие. Но все происходит как в фильмах ужасов, где героя всегда догоняют. Машина не трогается с места. Новая машина! Мои ключи падают. Поздно! Свет гаснет. Она выходит и зажигает свет. Ее дыхание действительно неприятное – горячее и плохо пахнет. Она часто дышит. Я поворачиваюсь – она рядом, стоит в нескольких сантиметрах от меня. Она из числа тех людей, которые считают, что, разговаривая с вами, обязаны бросать слова вам в рот, чтобы те не потерялись в пути. Господи, слушают ведь ушами, а не ртом!

– Вам надо бы подумать о том, чтобы внести плату!

– Добрый вечер, мадам Фарбер. Не волнуйтесь. У меня временные неприятности, но все наладится. Я вам заплачу.

– Очень надеюсь на это. Жизнь сурова для всех.

– Заплачу на будущей неделе, я вам обещаю.

– А ваша подруга что, здесь больше не живет? Если вы больше не можете вносить плату один, надо сказать об этом мне.

В этих словах я уловил два чувства своей собеседницы – удовольствие от осознания моего несчастья и печаль оттого,

что она больше не увидит Мелани.

Мелани – женщина. Фигура, улыбка, волосы. Меня мадам Фарбер охотно бы заменила кем-нибудь другим. Но ушла Мелани, а я стоял теперь перед этой женщиной, которая похожа на Верлена со старой фотографии, сделанной в кафе «Прокоп». Только без абсента и со зловонным дыханием.

Марселина Фарбер, или искусство принимать посетителей. Воплощение такта. И воплощение великодушия тоже. Она владела половиной дома и была обязана платить налог на состояние. Однако мои неуплаты, кажется, портили ей жизнь. В семьдесят лет – никакой приветливости. Зовут Марселина⁶ – как поэтессу, только поэзии в ней нет.

– Она в поездке по служебным делам.

– Понятно. Во всяком случае, не забывайте обо мне. Значит, на следующей неделе.

– На следующей, обязательно. Передайте от меня привет своей матери.

– Понятно, но маме не нужен ваш привет.

Мать Марселины до сих пор жива, хотя в это трудно поверить.

Она живет в тепле у своей семидесятилетней дочери. И конечно, должна платить дочери за квартиру, чтобы не оказаться на улице. Я испытывал нежность к этой матери, Августине, с которой случайно встречался три раза, когда она

⁶ Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859) известна своими элегическими стихотворениями.

еще могла выходить из квартиры. Я испытывал нежность к Августине потому, что она с утра до вечера терпела мадам Фарбер. Такое мужество у девяностолетней женщины!

Свет опять погас. Я был в темноте вместе с Марселиной Фарбер. Уже минимум пятьдесят лет она не оказывалась в темноте наедине с мужчиной (и, к несчастью, сейчас мужчиной рядом с ней был я). Не оказывалась с тех пор, как умер ее муж. Когда у нас с ней были хорошие отношения, она рассказала мне о своей «прежней» жизни с необыкновенным человеком, который ушел из жизни «слишком рано». Теперь я понимал этого человека: лучше смерть, чем эта мегера.

Она нажала на выключатель, и передо мной снова возникли ее зубы. Между зубами были небольшие промежутки, чтобы выпускать наружу дыхание, которое я терпел. Мать-природа все хорошо устроила. Есть существа, которых терпят. Марселина вернулась в свою квартиру и встала за дверь. На свое любимое место, на свой наблюдательный пункт. Я наконец поднял свой ключ и исчез из поля ее зрения.

Я прошел в ванную, наполнил умывальную раковину водой и окунул в нее голову до ушей. У меня не было другого способа дать выход моему гневу – только крик в воде. Кричать в воде и понимать всю глупость этого поступка. Наполовину задохнуться. Глаза покраснели, уши заткнуты. Есть риск получить воспаление среднего уха. И все это из-за дыры. Я вспомнил об одной своей подруге, которая однажды попыталась покончить с собой, съев целый пакет йогуртов.

Не получилось: она только на короткое время расстроила себе кишечник. Врач скорой помощи, которого я вызвал по ее совету (она стояла согнувшись лицом к туалету, но еще могла говорить), не соизволил сдвинуться с места. А дежурный врач-диспетчер сделал мне замечание. И все это из-за йогурта. Однажды я рассказал эту историю одному своему пациенту, мужчине лет шестидесяти (приятному человеку, который хотел с помощью чтения перестать есть по десять пицц в день; надо сказать, что мой «рецепт» ему ничем не помог). Он ответил, что в нашей проклятой стране все гибнет и что мой случай – пример эгоизма, которым пропитано все вокруг. И добавил, что в его время (в какие годы? Я так и не узнал этого) врач вскочил бы в машину и приехал помогать моей подруге, которая отравилась, может быть, смертельно. Регулируйте, регулируйте, диспетчеры: смотреть больше не на что.

Зеркальце, зеркальце...

Имя пациента: Ян Б.

История болезни:

Ян равнодушен к внешнему миру. Он вне мира. Кто может сердиться на него за это? Его жизнь после травмы превратилась в накапливание унижений. Со временем он стал чемпионом в искусстве быть козлом отпущения – тем, кто принимает удары за других. Ему нужно было уйти, чтобы спастись от ударов. Сложнейший, но увлекательный случай. Пограничный опыт для терапевта. И все же – не сомневаться в способностях Яна! Не сомневаться в моих способностях! У него необыкновенная способность к анализу. Он заметит малейшую мою слабость. Никакой замкнутости или сдержанности. Речь правильная. Продуктивный интеллект. Если эта характеристика верна, то можно найти решение.

Анна: Заново определить ее роль. Она присматривает за ним, как за маленьким ребенком. Влечение и отторжение одновременно по отношению к мысли, что Ян вернется в мир. Мать-буфер: принимает удары, которые наносит ей сын.

План работы:

Книги, рекомендуемые Яну:

Жан Кокто. «Самозванец Тома».

Дж. Д. Сэлинджер. «Над пропастью во ржи».

Книга, рекомендуемая его матери:

Альбер Коэн. «Книга моей матери»... Но тут я не уверен, потому что это книга о любви сына к матери.

– Это Энтони.

– Я узнал ваш голос. Я обдумал вашу ситуацию.

– Вы передумали? Вы больше не хотите заниматься мной.

Я понимаю...

Энтони сказал это как мальчик, которому что-то пообещали, чтобы его обмануть.

– Нет, нет, успокойтесь. Я не передумал. Мои слова «обдумал вашу ситуацию» значат, что я подобрал вам текст.

– Прекрасно! А можно продолжить общение по телефону?

– Буду с вами откровенен: я бы предпочел, чтобы мы встретились для работы.

– Это будет очень сложно: у меня мало времени. Я редко выхожу на люди и люблю сдержанность. Общаться по телефону нам было бы спокойней. Может быть, я прошу у вас слишком много?

– Скажем так: я не уверен, что моя терапия действует на расстоянии. Мы должны встретиться.

– Я знаю это, знаю... Обещаю вам прийти в ваш кабинет. Значит, вы выбрали текст?

– Да. «Одиссея» Гомера. Эта эпопея вам идеально подойдет. Назначим время встречи.

– Приключения Улисса, да?

– Да, именно они. Будущая неделя подходит?

– Я читал это в школе, когда был ребенком. Подождите минуту.

Я услышал шуршание мнущейся бумаги, словно телефон опускали в карман. Потом раздались громкие мужские голоса: «Что ты там еще затеял?», «Ты пойдешь с нами?». Они напомнили мне те, которые я слышал, когда подростком пытался играть в гандбол. Шесть адских месяцев я безуспешно старался забить гол. Я всегда бил слишком слабо, и вратарь останавливал мой мяч так легко, как будто я просто делал ему передачу. Ему не приходилось предпринимать никаких усилий. А для меня это была оправданная затрата энергии. Я был худшим гандболистом в истории. Мой тренер, хороший педагог, однажды вечером отвел меня в сторону после тренировки и заговорил на эту тему: «Алекс, у нас с тобой маленькая проблема: ты никогда не забиваешь, а хочешь все дольше играть во время матча. Это невозможно». Я ответил ему, что, дольше находясь на поле, я, несомненно, буду иметь больше шансов увеличить счет – «скорировать», так он говорил, образуя это слово от английского «ско», что значит «счет». Этот глагол казался мне отвратительным: когда тренер его произносил, я слышал французское «скори́», которое значит «шлаки» или «отбросы». Забивать голы – почти выкидывать отбросы. Наш спор продолжался, не внося никаких интересных изменений в мое положение. Чтобы закончить разговор на хорошей ноте, он предложил мне по-

слать мяч в пустые ворота, чтобы я увидел, как выглядит попадание мяча в сетку. Я это сделал, но не без труда, потому что был совершенно без сил. Сразу после душа моя карьера гандболиста закончилась. Голос Энтони, когда тот отвечал на вопросы, звучал не так, как когда он обращался ко мне. «Да, иду. Ты что, подыхаешь от голода? погоди две минуты, я сейчас возьму сумку и приду». Разговор закончился откровеннейшим смехом.

– «Улисс»; я о нем и не подумал.

– Вы можете говорить?

– Нет. По-настоящему – нет.

– К следующему разу достаньте себе этот текст и начинайте его читать. Я объясню вам свой выбор. Вы понимаете, что по телефону это будет сложнее.

– Понимаю. Я вам перезвоню.

– Когда?

– Я не знаю.

– Я говорил вам: нужно назначать точное время наших встреч.

Нас прервал прежний громкий голос: «Шевелись, Энтони!»

– Алекс, я должен вас покинуть. Не беспокойтесь. До скорой встречи. Значит, Улисс.

– «Одиссея», Энтони. Не Улисс. До скорой встречи.

Итак, я обнаружил, что разговоры велись тайно. Это вызвало у меня любопытство. Я должен был работать с Энтони

незаметно, а это было для меня чем-то новым. Несомненно, я буду должен расталкивать других локтями, чтобы занять место в его жизни, потому что люди, которые его окружают, кажется, по меньшей мере далеки от мира художественной литературы. Они прочно прикреплены к реальности. Их ступни приколоты к земле шипами, которые облегчают сцепление с поверхностью. Они – футболисты. В этом виде спорта голова работает, но очень мало. Иногда она сталкивается с мячом. Делает это почти по ошибке, чтобы легче вернуться на землю.

В любом случае моя профессия приносит мне удивительные новости. После терапии на дому я пробую себя в терапии по телефону. Надо жить в ногу со временем... И работать!

Как обычно, я читал два часа подряд. Это передозировка слов. Глаза лопаются. Голова болит. Если слишком много читаешь, это вызывает болезнь, но не убивает. Я – живое доказательство этого. Кто-нибудь слышал, чтобы человек умер оттого, что прочитал всего Золя за неделю? Тексты, прочитанные в юности, – новеллы, романы, театральные пьесы, письма... Нет, от чтения человек не умирает, только становится немного больше мизантропом.

Чувства меры – вот чего мне иногда не хватает. Когда я был ребенком, мои товарищи приходили к богатому дому, в котором мы жили, и стучали в дверь. Я отказывался идти играть с ними. Моя мать сходила с ума: почему он никогда не хочет выйти? Потому что я читал. И эта зависимость

от книг усилилась: я желал прочитать все, а это невозможно. Целые дни в муниципальной библиотеке. Я жил как затворник, но не как монах: я не мог бы жить, не прикасаясь к женскому телу. Но мама этого не знала, и я старался продлить сомнения. Я получал удовольствие, когда заставлял ее верить, что меня интересуют только книги. На самом же деле я был влюблен во всех девушек, которых встречал. Когда я заговаривал с ними, то не мог удержаться, чтобы не процитировать того или другого писателя. Я считал, что благодаря этому буду что-то значить для них. Я ошибался: литература вызывала у них скуку. Они искали пылкого и мужественного поклонника, которым могли бы гордиться, а не мальчика, который способен декламировать Расина на краю бассейна, когда другие мужчины прыгают в воду, делая сальто вперед.

Моя мать тоже любила книги, но ее любовь не была зависимостью и не мешала ее общественной жизни. Я же отгородился от мира. Друзья стали реже приходить ко мне. Дружба – это присутствие рядом, это контакт. Это значит касаться друг друга, смеяться, видеть все мельчайшие подробности внешности друга.

Вскоре я уже не видел никого. Не виделся ни с кем до того дня, когда понял, что чтение может восстановить душевное равновесие, утешать страдающих и помогать им. Это и есть библиотерапия. Она стала моей профессией. Поскольку слова способны уничтожить и поскольку все на этой планете содержит в себе два начала – положительное и отрицательное,

чтение некоторых текстов имеет спасительные свойства.

Когда я произнес слово «библиотерапия» при моей матери, она решила, что я вступил в секту. Дианетика. Полное собрание сочинений Л. Рона Хаббарда. Литературный жанр – книги о развитии личности: «Законы успеха», «Счастье везде», «Стань тем, кто ты есть»...

Нет, я не желал заниматься такими сочинениями. Я хотел заниматься только литературой. Значит, не было никакого риска впасть в сектантское безумие. Но матери всегда беспокоятся о детях. Я не мать. Впрочем, я и не отец. Мелани хотела ребенка, но я ничего не знал о себе и не мог его хотеть. Стать началом чьей-то жизни на этой земле? Это вызывало у меня страшную тревогу. А если мой ребенок будет безобразным? Надо будет навязывать его внешность другим. И ему самому – с помощью зеркала-псише. Это меня не мотивировало. А если он будет идиотом? Например, горячим приверженцем гандбола с толстыми руками. О чем бы мы говорили? О его десяти голах в каждом матче? О моей негодности ни на что в этом виде спорта?

Споры, напрасные обещания, когда я пожелаю что-то получить, – вот что принесло бы нам предполагаемое отцовство. И еще мадам Фарбер, которая, несомненно, подслушивала у нашей двери. Она знала о нас все. Уж не напичкала ли она нашу квартиру маленькими камерами? В кухне – чтобы убедиться, что мы не портим пол; в ванной – чтобы убедиться, что я действительно мужчина; и в спальне, чтобы видеть,

как мы занимаемся любовью. Смотрит ли она на меня сейчас? На меня, который сидит совершенно один в захваченной книгами квартире, которую она мне сдает.

Мелани обязывала меня ставить их на место. Она была воплощением порядка. Как я мог любить женщину, которая ничего не читала? Может быть, я любил ее потому, что вместе мы образовывали что-то стоящее. Образовывали единое целое. Каждое лето она требовала у меня список «обязательных» книг. Я брал свой блокнот и начинал писать в нем заглавия, потом другой, и так до тех пор, пока листок не исчезал под словами. Она была не в состоянии сделать выбор, тогда я предлагал ей взять наугад роман в библиотеке, но она никогда этого не делала. Нужно было вынуть чемоданы, гладить белье и – главное – не забыть косметику от солнца. Эти дела казались ей запретными для мужчин. Казались без всякой причины. Феминизм был принесен в жертву умению «хорошо подготовиться к отъезду в отпуск».

Когда Мелани не удавалось уснуть, она просила меня рассказать ей о том, что я читал. Я пересказывал книги коротко, одну за другой. Я дробил классиков на куски, чтобы они позволили нам уснуть. Слышала ли это Марселина Фарбер? Что ж, ей приходилось терпеть!

Я был полон слов и потому решил послать Мелани электронным сообщением несколько строк Верлена. Этот поэт-алкоголик и его двойник хорошо сочетались с моим положением. Я переписал строчки из его «Амура на земле»: «Ве-

тер недавней ночи сбросил Амура на землю [...] и меланхолические мысли кружат в моем сне, в котором глубокое горе напоминает, что будущее станет одиноким и губительным».

На этот раз у меня хватило сил нажать на «Отправить». И мне сразу захотелось остановить это сообщение. Но где оно? Где это сообщение? Раньше я мог напрасно ждать у реального почтового ящика, пока почтальон придет забирать почту. Невозможно было попросить у почтальона разрешения взять обратно письмо, которое я больше не желал посылать: я делал это уже минимум десять раз, и он меня знал.

«Добрый день, Алекс. Открыть вам ящик, как обычно?»

Я так неумело использовал чужие слова. Верлен был слишком печальным, слишком жалким. И слишком пьяным. А я был не в силах создать приложение, которое стало бы революцией в отношениях между людьми – функцию «Удалить» для уже отправленных сообщений. Тот, кто ее придумает, немедленно войдет в пантеон важнейших изобретателей. Но это буду не я. Чтобы создать что-то в этом роде, нужно очень хорошее математическое образование. А мое обучение математике закончилось в шестом классе.

Мои бесконечные сожаления (и безответный вопрос: почему я никогда не слушал своих учителей математики?) были остановлены появлением на экране моего мобильного телефона маленького значка «конверт». Новое сообщение. Эта пиктограмма была проста и понятна для всех. Я был далеко от поэзии символистов.

Мелани, которая обычно медлит с ответом, несомненно, была испугана словами поэта. Мы, наконец, опять начнем общаться. Разговаривать. Может быть, выпьем вместе по бокалу. Пообедаем. Было приятно думать об этом. Я открыл сообщение и прочитал:

«Алекс, я жду вас сегодня в 15 часов. Мне очень нравится «Самозванец Тома». Ян».

Хорошая новость для мадам Фарбер и плохая для моего сердца. Когда ждешь от конкретного человека звонка или сообщения, которое успокоит твое ожидание, то все другие тебя раздражают. Даже самые близкие родственники или, как в данном случае, Ян и деньги, которые он мне приносит.

Мне была нужна любовь. Невесты больше нет, но есть мобильник в руке.

Социальные сети были созданы не для общения, а для утешения несчастных людей – и тех, кто потерял работу, и тех, кого изуродовал парикмахер. У меня есть работа – и такая, которая, пожалуй, возвышает человека (терапевтом становится не каждый, кто этого хочет). А мой парикмахер был бы достаточно приятным человеком, если бы не установил у себя в салоне граненый шар и не приплясывал, переходя от одного кресла к другому. Я всегда был доволен тем, как он меня стриг, хотя он и тратил на стрижку меньше десяти минут. Поскольку я виделся с ним два дня назад, решил выложить в своей любимой социальной сети свой фотопортрет с большим контрастом. Хотел, чтобы меня полюбили в ответ.

Средний план, спиной к зеркалу. У Нормана Рокуэлла есть что-то в таком же стиле, но кто об этом помнит?

Через две минуты начали приходиться сообщения: «Слишком красиво», «великолепно», «прелесть»... Вечер в Канах, я на красной дорожке, зрители кричат мое имя, чтобы привлечь мое внимание, и фотографы тоже. Опять «слишком красиво». Действительно, мое лицо, несмотря на неприятности, дышало здоровьем (странное выражение, пришедшее из другого времени). Мои друзья, мужчины и женщины, изливали на меня неиссякающий поток похвал. «Ты всегда такой же красивый». Спасибо. Нехватка сна, нехватка солнца – все это заглаживают, как полировка, лучи света. Мой мобильник устраняет проблемы. «Невероятно». Нет, именно вероятно! Я жив! И полностью владею своими ресурсами. И несколько минут был в центре внимания. Я пользуюсь этим. Ливень комплиментов от людей, которых я почти не знаю или которые не посмели бы сказать мне в лицо, как много красоты я внес в их жизнь. Муза 2.0. Если бы Ронсару выпала удача быть моим знакомым, он, несомненно, прославил бы меня сонетом. Но я бы никогда не уступил его ухаживаниям. Это не по мне.

«Сонеты для Александра».

Это заглавие звучало немного приторно и напомнило мне заглавие «Баллада для Аделины»⁷. Так называется музы-

⁷ Эту балладу написал Поль де Сенневиль в 1977 году, а известной она стала в следующем году, когда ее исполнил на пианино Ричард Клайдерман.

кальная пьеса, которая прославила одного пианиста, слишком хорошо причесанного, чтобы быть хорошим музыкантом.

Сообщения для Александра Пантократора приходили все реже. Друзья бросились на свои клавиатуры как голодные хищники из семейства кошачьих – на добычу, а теперь насытились и отдыхали на солнце до следующей фотографии. Я не сразу решился сделать новый автопортрет. Мне казалось трудным найти новый угол зрения и новый интерьер в такой квартире, как моя. Я не желал показывать всему миру свою личную жизнь. Хотел показать только свое лицо.

«Ты не похудел немного?»

Эти несколько слов незнакомого друга – парня, с которым я встретился всего один раз за столом у друзей моих друзей, – заставили меня похолодеть. Похудел? Я никогда не взвешиваюсь. Коснуться напольных весов ступнями, дождаться, пока на дисплее появится ноль, замереть в ожидании цифры – это для меня слишком большой стресс. И доверять этому аппарату рискованно: ты никогда не уверен в правильности результата. Нет ничего лучше весов Робервалья, которыми пользовались на лекциях по естественным наукам. Старых ржавых весов.

Я подскочил к псише, чтобы проверить, действительно ли произошла та перемена в моем телосложении, которую он имел в виду. Никаких заметных признаков похудения. По какому праву он мог заставить сомневаться других? Худеть –

начать исчезать. А когда не останется ничего, что можно заставить исчезнуть... Снова вспомнился Ронсар:

Я высох до костей. К порогу тьмы и хлада
Я приближаюсь, глух, изглодан, черен, слаб...⁸

Социальные сети созданы для того, чтобы попытаться утешить несчастных.

⁸ Пьер де Ронсар, из сонета «Я высох до костей...». Перевод В. Левика. (Примеч. пер.)

Немного ономастики

Александр, Алекс.

Мои родители дали мне имя Александр. Я должен был называть себя «Александр». Выбора не было. Если бы я родился девочкой, я все равно носил бы имя Александр. Мои родители договорились бы об этом со служащим мэрии. Иначе быть не могло. Моя мать в это время писала диссертацию об Александре Дюма: «Исторические и вымышленные персонажи в творчестве Александра Дюма». Она стояла в нерешительности на границе между вымыслом и реальностью. Я был вымыслом до того, как с шумом ворвался в реальность.

Я родился в тумане и в литературе. Имя Александр мелькало у нее перед глазами сотни раз в день: Александр, Александр, Александр, Александр.

Наконец оно проникло в мои хромосомы, создало в них нарушения и погубило их. Бедные хромосомы! XX. XY. Непонятная смесь.

В конечном счете мама сделала поворот в сторону реализма и с профессиональной точки зрения. Но мне кажется, что она до сих пор предпочитает вымышленного Александра, который жил в ее голове до моего рождения. Того, о ком она мечтала. Мужественного сына с пухлыми щеками и пышными волосами. Может быть, литератора. Того, кто способен писать романы в пятьсот страниц, а не только читать их.

Итак, меня зовут Александр. Чтобы хоть в малой степени вернуть себе контроль над своей жизнью, я решил, что меня должны называть «Алекс». Уменьшительное имя – уменьшение материнской власти. Моя мать так никогда и не согласилась ни с этой символикой, ни с самим укороченным именем. Она произносит «Александр» с таким сильным ударением на последнем слоге, что кажется, будто она восклицает: «Александр!»

Восклицать всегда означает выражать какое-то чувство. Готов держать пари, что в данном случае это разочарование.

Она была разочарована моим отношением к книгам. Я не подсчитывал число употреблений того или иного слова в каком-либо романе, я не обязательно искал в книге смысл, я ни с кем не спорил по поводу толкования того или иного текста. Я искал в нем силу и чувство. Восклицательная функция текста!

Меня зовут Алекс, и я не пишу. И никогда не буду писать. Бедная мама! Кстати, она окончательно разочаровалась в сыне, когда он совершил преступление – оскорбление величества: продал редкий экземпляр «Двадцати лет спустя»⁹ мошеннику-антиквару, чтобы купить себе гандбольные кроссовки с коричневыми подошвами.

Специальные спортивные кроссовки, которые я надел всего два раза: так сильно они терзали пальцы моих ног.

⁹ «Двадцать лет спустя» – продолжение «Трех мушкетеров», написанное Александром Дюма.

Кроссовки, которые до сих пор лежат в нашем семейном жилище и оживляют самые худшие из злобных чувств, когда моя мать видит их на дне старого стенного шкафа, куда мы по традиции складываем все, что больше ни на что не годится. Этот шкаф – прихожая свалки.

«Приближается Рождество. Не забывайте, что Почта открыла бюро Санта-Клауса. Он ответит на все ваши письма – и детям, и тем, кто старше. Численность безработных по-прежнему растет. Премьер-министру надо бы прокомментировать эти цифры на завтрашней пресс-конференции. Новости спорта: Энтони Полстра, капитан сборной Франции, не вернулся в свой клуб после победы над Англией и начал жесткое противостояние с Парижем, потому что желает сменить обстановку. Эксклюзивное интервью со спортсменом будет в конце журнала».

У меня нет абсолютного слуха, но я легко узнал голос своего пациента-футболиста. Энтони – это Энтони Полстра. Чтобы получить о нем больше информации, я зашел на его страницу в Интернете.

«Французский спортсмен, родился в 1985 году в Сент-Этьене. Начал карьеру в своем родном городе, затем перешел в столичный клуб. Капитан национальной сборной и ее признанный бомбардир».

Эта скупая характеристика дала мне мало информации об отношениях Энтони с другими игроками команды и не дала совсем никакой информации о его отношении к чте-

нию книг. После сжатой биографии было опубликовано множество его фотографий. И сколько снимков – столько же разных причесок. Длинные волосы, короткие волосы, связанные, приглаженные, бритая наголо голова, синие волосы, красные волосы... Это напомнило мне многих подростков, которых я встречал на улице. В конечном счете футболисты сменили писателей. В XIX веке все поэты подражали Бодлеру, а все романисты сначала Флоберу, потом Золя. В XX веке тексты были наводнены бесконечными фразами в стиле Пруста, потом эти фразы были разрезаны селиновскими многоточиями. Но тогдашним подросткам было наплевать на внешность их образцов. Рембо не одевался как Бодлер, когда копировал Бодлера. Мопассан не мечтал о брюшке как у Флобера. К счастью, Полстра влиял на моду в области причесок, и мне, по правде говоря, его вклад в эту моду не казался чем-то крайне важным. Со временем центры интереса сильно сместились.

Имя пациента: Энтони Полстра

История болезни:

Когда ты богат, красив, знаменит и обладаешь хорошим здоровьем, для тебя нет ничего легкого! Эта фраза могла бы стать началом очерка. Полстра не осознает своего могущества, своего влияния, того, какое место он занимает в обществе, ищущем героя. Его мучают вопросы, которых много (слишком много для футболиста?).

План работы:

Рекомендуемые сочинения:

Гомер. «Одиссея».

Какой-нибудь рыцарский роман – что-то из Кретьена де Труа или из Вальтера Скотта? Погони верхом на конях, дуэли, победы, влюбленные молодые женщины. Полстра будет в восторге.

Он лжет, когда пишет, что ему лучше

Моя вторая встреча с Яном началась с чтения того, что он написал на своем планшете:

«Я редко говорю о себе. Я знаю, что вы сейчас рассмее-тесь: «говорю»... я же не говорю, а пишу. Французский язык плохо устроен. Или, наоборот, устроен хорошо, я не знаю. Он позволяет сказать то, что невозможно.

Кажется, те, кому ампутировали конечность, продолжают чувствовать ее, хотя она была сожжена в ближайшей больнице. Я иногда слышу в своей голове, как звучит мой голос. В своих снах я тоже говорю. Я лгу себе. Вот почему мне нравится чтение книги про «Самозванца Тома» – обманщика. Мы хронические лжецы. Вы тоже, как остальные. Хронические больные узнают друг друга. Обманщик Ян. Обманщик Алекс.

Я лгу, когда пишу, что мне стало лучше.

Я лгу, когда думаю, что моя жизнь снова станет такой, как была.

Я лгу, когда не плачу.

Я лгу, когда заставляю мою мать верить, что я ее ненавижу.

Я лгу, когда говорю, что я не страдаю оттого, что никогда

не вижу своего отца.

Мой вызов вам – говорить правду, единственный раз».

Я знал, что Ян сложный человек, а теперь чувствовал, что он меня оценивает. Это озадачивало и немного смущало. Он был прав, когда сказал, что я тоже лгу. Но я приходил к нему не для того, чтобы говорить о себе. Он хотел, чтобы я еще почитал ему вслух текст Кокто. Поскольку он сам продвинулся достаточно далеко в чтении этой книги, мы скоро дойдем до конца романа.

– Ваше желание показать себя таким, какой вы есть, тронуло мою душу. В противоположном случае наше сотрудничество не дало бы никаких результатов. Я могу вам сказать, что вы прекрасно понимаете людей, которые вас окружают.

«Это потому, что я не трачу себя на слова. У меня есть время, чтобы наблюдать. А болезнь настолько стала частью меня, что я достаточно легко замечаю ее в других. Роман Кокто – прекрасный выбор для кого-то вроде меня. Деклассированный человек, который живет только иллюзиями, – это история Тома; и это моя история тоже. Поэтому я благодарю вас за то, что вы дали мне эти пути для размышления. Я знал у Кокто только «Красавицу и чудовище». Полусумасшедший старик-преподаватель заставил нас изучить эту вещь. Жан Маре, плохо загримированный под рыжего дикаря. И с ляжками как у танцовщицы».

– Я знал, что эта книга тронет вашу душу. По крайней мере, я этого желал. Я иногда делаю ставки.

«Мы все их делаем. Я тоже делаю их в Сети. Это такое же занятие, как любое другое».

– Я в этом не сомневаюсь. Вы знаете про пари Паскаля?

«Нет, а при чем тут оно?»

– Я просто хотел сказать, что люди делают ставки уже много лет и во всех областях.

«Паскаль был букмекером? Я этого не знал».

– Был в определенном смысле.

«И он выигрывал свои пари?»

– Его нет в живых, поэтому он не может нам ответить. А дать ответ мог бы только он. Он считал, что с точки зрения статистики верить в Бога лучше, чем не верить. Поэтому я не знаю, выиграл ли он.

«А я выиграл! Я поставил на победу французской сборной над английской. Никто в это не верил. Полстра – невероятный игрок. Он артист. Когда передает мяч, он, двигаясь, как будто чертит рисунок на поле, словно художник. У него все на своем месте, все имеет смысл. Как на картине Пинтуриккьо».

– Вы вызвали у меня интерес к этому игроку.

Я не думал, что когда-нибудь стану говорить со своими пациентами о футболе. Но нужно было признать то, что очевидно: этот вид спорта – неотъемлемая часть общества, и тот, кто желает избежать этой темы, мешает себе понять общество.

Дома я отыскал биографию Альбера Камю. На обложке

была его фотография, где он показан в спортивной экипировке. Альбер Камю был вратарем команды «Рейсинг» Алжирского университета. Я быстро нашел для спорта поручителя-интеллектуала. Полноценного человека, у которого есть и голова, и ноги. И пусть плачут интеллектуалы, которых раздражает малейшее физическое усилие. Я пролистал книгу, которую никогда по-настоящему не читал. Одну из тех, которые купил и сразу поставил на полку. В начале одной главы – цитата из этого философа-романиста-футболиста-драматурга: «Тот небольшой запас морали, который у меня есть, я, в сущности, приобрел на футбольных полях и театральных сценах, и они останутся моими настоящими университетами»¹⁰.

Значит, основой интеллектуального формирования Камю был футбол. А я-то нажимал на пульте кнопку переключения каналов каждый раз, когда видел на экране телевизора спортивное поле... Конечно, футбол не случайно стал самым распространенным в мире видом спорта. Во всем есть смысл – в движениях Полстры по полю, в косых поперечных линиях его передач, в словах Яна, в его ставках, в том, что он читает «Самозванца Тома».

Пуля, – сказал он себе. – я погиб, если не притворюсь мертвым.

Но в нем вымысел и действительность были одним целым. Гийом Тома умер.

¹⁰ Albert Camus. Pourquoi je fais du théâtre, 1959.

Роман закончился. Я поднял взгляд на Яна, который во время чтения не отрываясь смотрел на меня. Нужно сосредоточиться, чтобы не повредить текст; нужно играть чувства... Меня испугало застывшее лицо подростка. Со времени нашей первой встречи его глаза приобрели привычку ничего не выражать.

Ян спрятался. Секунда за секундой проходила в тишине, и это молчание все не заканчивалось. Я встревожился. Он не хватался за свой планшет, не шевелился. Я решил сам нарушить молчание:

– Вы хорошо поняли финал романа?

По-прежнему никакого движения. Может быть, я плохо произнес свой вопрос? Я его повторил:

– Вы хорошо поняли финал романа?

Подросток остался неподвижным. Совершенно ясно: это болезнь. Я решил позвать его мать.

Она вошла почти сразу, как будто подслушивала у двери. Мои глаза внимательно всмотрелись в нее, потом снова стали глядеть на ее сына, который ни на что не отреагировал.

– Что происходит? – спросила Анна.

– Ваш сын плохо чувствует себя, – ответил я.

Ян продолжал смотреть на меня. Мать без паники подошла к сыну и взяла его за руку. Групповая фигура «мать и сын». Сын мгновенно очнулся, как игрушечный робот, в котором зарядили батарейку, и набрал на клавиатуре несколько слов для своей матери:

«Оставь нас, мама, все хорошо. Я размышлял кое о чем».

И Анна ушла, словно ничего не произошло. Я подумал, что Ян мог бы мне объяснить, в чем дело. Но нет – никаких объяснений, Ян снова принял прежний бесстрастный вид.

– Остановимся на этом сегодня. Я обещаю вам вернуться через два дня.

Он набрал ответ на клавиатуре, и на гигантском настенном экране появились слова:

«О'кей. До четверга».

Его мать ждала меня в коридоре. Она сказала мне, что со времени аварии Ян иногда впадает на несколько минут в полукоматозное состояние. Тело жило, но души в нем не было. «Я без меня», как написал Малларме в «Могиле Анатоля». Но сейчас я был не в литературном тексте. Я «попробовал на вкус» это ужасающее исчезновение живого существа.

– В такие моменты Ян становится чем-то вроде предмета – машиной, которая дышит. Врачи думают, что причина этого – напряжение и стрессы. О чем вы говорили перед самым приступом?

– Я просто спросил его, понял ли он финал романа, который мы читали вместе. Вот и все.

Нужно было жить с этим. Другого выхода не было. Медицина ничем не могла помочь Яну. Она, такая могучая и эффективная, не предлагала ему никакого решения. Отчаяние оттого, что ему не повезло болеть излечимой болезнью. Его мозг время от времени отключался, чтобы защитить себя.

Как перегревшийся прибор. Я слушал, как Анна говорила мне о своем сыне, и искал в литературе подходящие цитаты, чтобы помочь ей, чтобы сделать их опорами для ее рассказа. Я нашел их много, но предпочел промолчать: Анна не была моей пациенткой.

Возвращение боли: ЭТИМОЛОГИЯ

После остановки сердца мозг живет еще несколько минут. Этот установленный учеными факт объясняет, почему те, кто был на волосок от смерти, утверждают, что видели, как перед ними с огромной скоростью проносится их жизнь. Искажённые образы, неслышные слова – потому что надо спешить: после этого уже не будет ничего, и наш мозг это знает.

Какие образы возникнут в моем мозгу? Конечно, книги и Мелани. Она ушла еще и потому, что я никогда не ставил ее на первое место. Начнем сначала. «Все будет хорошо» – ее любимая фраза. Она непрерывно повторяла ее; она говорила это даже в тех случаях, когда на улицах Парижа тысячи демонстрантов кричали о своей ненависти. Мне нравилось думать, что присутствие рядом мужчины – мое присутствие – успокаивает ее. На самом деле я совершенно не был в этом уверен. Я был, если можно так сказать, частью ее набора демонстрантки, как подходящая пара обуви или одежда от K-way.

Мелани боролась за все и за всех. За однополые браки, за прием мигрантов, за выдачу законных документов тем, у кого их нет. Это изматывало меня. Не потому, что я не поддерживал идеи, за которые она выступала, наоборот, поддерживал; я уставал просто потому, что заботиться обо всех в конечном счете означает не заботиться ни о ком. И ее де-

монстрации часто заканчивались бегством, потому что она выбирала только те случаи, когда два лагеря противостояли один другому. Это придавало остроту нашей жизни: по вечерам в кругу друзей мы могли рассказывать, как спаслись от группы скинхедов, спрятавшись в мусорном контейнере азиатского ресторана. Этот случай навсегда поссорил меня с вьетнамскими блинчиками «нэм» и другими блюдами из карамелизованной свинины.

Мелани напоминала мне тех маляров-любителей, которые однажды решают изменить цвета своей квартиры. Здесь положим синюю краску, там красную, эту плоскость покрасим зеленым, здесь будет серый цвет, не слишком темный, чтобы не уменьшить комнату (но как можно уменьшить комнату, не поставив перегородку?), здесь лиловый, здесь коричнево-серый. Через три часа в доме все накрыто чем-нибудь для защиты, но никто уже не чувствует себя в силах покрасить хоть что-то: работы слишком много. Нужно уметь ставить себе достижимые цели, даже если до начала работы они кажутся жалкими. Я однажды предложил Мелани стать крестной матерью маленькой козочки с плоскогорья Ларзак. Это казалось мне осуществимым и мужественным. Никто не интересуется этими маленькими животными. К тому же нам обещали присылать фотографии нашей крестницы, чтобы мы видели, как она растет. Но Мелани ответила резким отказом. Козий сыр, лежавший в холодильнике, на много недель попал под запрет: Мелани считала его провокацией. Лично я

видел в нем сладостное воспоминание.

«Все будет хорошо». Значит – Мелани. Наша история на огромной скорости и без конца.

И книги. Слова других, не мои собственные. Все слова Альбера Коэна. Любовь, высокомерие, жалость, красота. Весь Коэн? Нет, надо выбрать. У мозга будет мало времени. Солаль. Пруст тоже, но он такой длинный. Как выбрать? Тогда лучше пусть будет поэт. Сюпервьель. Скачка на коне по пампе. Океан. Тишина. И пустота.

«Я не всегда ухожу в глубь себя один, я увожу с собой много живых существ...»

Я не пошел на назначенную встречу с Яном. Я отложил ее на два дня, чтобы мальчик понял, что я не его слуга. Мне трудно было принять своим сознанием наш последний сеанс. И я – не просто чтец, я желал общаться с другими людьми, делиться мыслями о книгах, которые им советовал.

Я мог дать Яну время на размышление еще и потому, что ко мне обратился мужчина лет пятидесяти, желавший начать сотрудничество. «Сотрудничество» – совместный труд; вот это – верное слово. Новая встреча и немного денег, если все пройдет хорошо. Я даже мог бы заплатить мадам Фарбер, которая только что прислала мне заказное письмо с уведомлением о вручении, сообщая, какую сумму я ей должен. Но я знал эту сумму, 1800 евро. Два месяца просрочки. Гора, которую нужно перейти. Моя квартирная хозяйка заплати-

ла 5 евро за это агрессивное письмо, хотя могла бы бесплатно подсунуть записку под дверь. Заплатила за удовольствие, чтобы письмо вручили официально.

Анна плохо восприняла новость о том, что я задержусь.

– Через два дня? Но Ян был так счастлив видеть вас. Алекс, скажите откровенно: вы ведь вернетесь, да? Я знаю, что последняя встреча прошла плохо, но уверяю вас: больше такого не случится. Не оставляйте нас.

Она боялась, что я откажусь выполнять ее поручение. Снова проводить весь день наедине с сыном в этом ледяном доме. В мире Кафки; в холодном ресторане. И не пробовать ничего из внешнего мира – больше не слышать его звуков, не чувствовать его запахов.

– Конечно, не оставлю, – ответил я. – Я никогда не покидаю человека в пути. Сейчас у меня возникло срочное дело, но не беспокойтесь: я вернусь.

Анна не знала, что я всегда охотно брал на себя роль покинутого. Она надевалась на меня, как идеально подогнанный костюм. Я даже мог бы сказать, что она прирастала к моей коже, становилась ее частью.

До Мелани у меня была Элоиза. Чудесное имя: весь Руссо в семи буквах – «Новая Элоиза». Я полюбил эту девушку еще до того, как увидел. Влюбился в нее, когда преподаватель в университете назвал ее по имени, чтобы передать ей проверенную письменную работу. Элоиза! «О-И» – великолепное сочетание звуков: два гласных как будто обнимают

тебя. Имена литературных героинь (снова «о-и») всегда очаровывали меня. Таосер, Береника, Эсмеральда, Кунигунда¹¹. Правда, из романа-сказки Вольтера я прочитал только начало.

В тот день моей прекрасной Элоизы (я был уверен, что она красива) не оказалось в аудитории. Она не могла спуститься по ступеням амфитеатра и предстать перед моими глазами. И тогда я назвался ее другом, чтобы забрать сочинение и передать ей позже. Преподаватель согласился на это и, отдавая сочинение, сопроводил его фразой, которая была великолепна своей паузой: «Я доверяю вам, молодой... человек». Элоиза. Все это из-за имени. Через несколько дней после этого я отдал ей сочинение. Я попросил в аудитории: пусть ее предупредят, что незнакомец забрал ее сочинение и хочет вернуть его ей.

Я занял место в самых верхних рядах, чтобы увидеть, кто из девушек станет поворачиваться, ища незнакомца. А также из предосторожности: если бы студентка оказалась уж очень безобразной, я мог бы опустить глаза и сделать вид, что не имею никакого отношения к этой истории. Но Элоиза была прекрасной. Такой же прекрасной, как девушка с картины Вермеера. И наша история началась: я передал ей сочинение по «Пармской обители». А в этом романе есть Клелия.

¹¹ Героини соответственно «Романа мумии» Теофиля Готье, драмы Расина, названной именем героини, «Собора Парижской Богоматери» Виктора Гюго и «Кандида» Вольтера.

Конец истории оказался до ужаса банальным. Мы собирались быть вместе до конца наших дней и все такое. Но будущего вместе не получилось. В общем, мы слишком хорошо ели, и оба поглощали кушанья с неудержимым аппетитом. Однажды утром мы заметили, что на столе пусто и в холодильнике тоже. Элоиза ушла за покупками и не вернулась. Невозможно купить любовь, когда ее больше нет. Я потом много лет хранил это сочинение под килограммами книг, среди которых, конечно, был и Руссо. Три балла из двадцати возможных, и красными чернилами – замечание старика-профессора, такого старого, что, казалось, он умрет после часа работы со студентами: «Недостаточно носить имя литературной героини, чтобы писать приятные и умные сочинения».

Надо бы никогда не позволять литературе решать, как нам жить, но для того, кто живет в литературе, это невозможно. Моя мать долго пыталась уберечь меня от этого подводного камня – и не смогла. Когда ребенок осознает, что его родители могут ошибаться, земля уходит у него из-под ног.

Мелани так хотела иметь ребенка. А я боялся той минуты, когда наш ребенок задаст своей матери этот вопрос. Я избегал этой темы. Нас ничто не заставляло торопиться. «Вся жизнь впереди»¹². Настолько впереди, что ее невозможно схватить.

¹² Название романа известного и очень талантливого французского писателя Ромена Гари. (*Примеч. пер.*)

Маленькая старушка и футболист в супермаркете

Когда зазвонил мой телефон, я был в супермаркете. Поскольку съедобную книгу пока еще не изобрели (кстати, эту идею стоило бы разработать), я должен питаться, как любой другой человек. На экране появилось имя Энтони. У меня было две возможности:

- Не отвечать и связаться с Энтони позже. В любом случае у меня не было с собой расписания приемов, чтобы наметить время нашей с ним встречи в кабинете.
- Ответить и рисковать, что меня побеспокоит старушка, которая попросит помочь ей дотянуться до высоко уложенных валиков для мытья стекол. Всегда найдется мамаша, которая о чем-то попросит.

На самом деле решение было принято быстро. Людей, у которых в жизни действительно есть выбор, не так уж много. Остальные, такие, как я, только воображают, что он есть; они изображают сомнение и размышление, хотя решение приняли за одну минуту. Это – полная противоположность взглядам Сартра, если, конечно, я верно его понял.

Я ответил.

– Я не побеспокоил вас, Алекс?

– Нисколько, Энтони. Я ухожу из зала, где закончился кол-

локвиум по библиотерапии.

– Вы могли бы уделить мне две минуты?

– Конечно, могу. Вы хотите выбрать время встречи?

Функция автоматической фотосъемки в телефоне не станет прогрессом для миллионов лгунов и лгуний, у которых есть мобильные телефоны. Слово «коллоквиум» звучало серьезней, чем слово «супермаркет». Мои глаза искали убежище.

– Кстати, я прочитал другие приключения Улисса. Он в самом деле потрясающий.

– Отважный, пылкий, решительный. Он вам никого не напоминает? Но об этом мы поговорим, когда встретимся с вами, Энтони.

– О еще одном персонаже из книги?

– Нет, о людях из реальной жизни.

Я отошел в сторону, в отдел «Корма для животных». В этот час хозяева домашних любимцев выгуливали своих питомцев и еще не думали об обеде. У меня было две минуты, пока не подойдет охранник. В супермаркете покупатель, который кружит по какому-то одному отделу, несомненно, вор.

– Я не знаю...

– Я говорил о спортсменах! О вас, Энтони! Вы – герои современных эпопей.

– Это слишком сильно сказано.

– Не думаю, что вы правы. Вы играете ту же роль, что эти античные герои.

В отдел вошел охранник. На его месте я поступил бы так же. Меня здесь ничто не интересовало. Я ненавижу домашних животных – их запах, их трение о хозяина. Ненавижу собак, которые подают лапы, кошек, которые приносят птиц, грызунов, которые бегают всю ночь.

Я перешел в другой отдел – «продукты для раннего завтрака». Вдруг мне на плечо легла чья-то ладонь. Продолжая говорить об Улиссе, я узнал мадам Бельтран, мою соседку снизу. Улисс и его сила. Мадам Бельтран и ее девяносто лет.

– Доброе утро, Алекс. Вы не могли бы достать мне сверху вон ту банку варенья?

Конечно, она мне мешала, но я плохо представлял себе, как отказаться исполнить ее просьбу.

– Энтони, пожалуйста, подождите одну секунду: коллега задал мне вопрос.

– Я терпеливо жду.

Желанная банка с вареньем стояла на самой верхней полке стеллажа, ближе к потолку, чем к полу.

– Разумеется, могу, мадам Бельтран.

Несомненно, преклонный возраст моей соседки мешал ей правильно воспринимать реальность. Чтобы дотянуться до верхней полки, нужно было иметь рост метр девяносто сантиметров.

Девяносто лет и метр девяносто: все совпадает. Я встал на первую полку, чтобы иметь опору под ногами. Поднял руку как можно выше – и мои пальцы коснулись банки, которая

казалась мне чашей Грааля. Делая величайшее усилие в более чем неудобной позе, я повернулся к мадам Бельтран и спросил:

– Это она?

– Нет, мне не малиновое, а грушевое, оно рядом.

Подвиги величайших атлетов кажутся легкими, когда видишь их на экране телевизора, сидя в кресле. Бросить оранжевый мяч прямо в корзину, которая висит на высоте трех метров, выполнить подачу со скоростью двести километров в час, обвести пять защитников и забить гол...

Я был атлетом, моя соседка зрительницей. Я посмотрел на нее и изобразил мимикой, что понял ее уточнение. Затем продолжил восхождение, то есть поставил ногу на вторую полку. На этот раз я собирался завладеть грушевым вареньем. Очень вкусный продукт, но он не заслуживает таких усилий. Я надеялся, что мадам Бельтран в награду пригласит меня на полдник. Она прекрасно пекла блины. Иногда, если она неточно рассчитывала или внуки обещали прийти, но не приходили, или просто потому, что считала меня приятным человеком, она приносила мне несколько штук. Без всякого сомнения, она меня вознаградит.

– Вы хотите именно грушу?

– Да, ее, – с наслаждением ответила она. – Алекс, простите меня за беспокойство.

– Вы ничего плохого не сделали.

– Мои внуки должны прийти на полдник, и я обещала им

блины.

– Я был в этом уверен...

– Что вы сказали?

– Ничего. Я не могу взять банку. Мне очень жаль. Попросите охранника.

Я спустился со своего пьедестала. Нужно уметь оценивать риски. Я не Улисс.

– Я не хотела, чтобы вы ранили себя, – сказала старая дама.

– Было бы жаль, если бы это случилось. Я больше не мог бы работать. Удачного дня, мадам Бельтран.

– До скорой встречи, мой дорогой. Зайдите ко мне домой без колебаний.

Я не собирался колебаться ни минуты. Я зайду к ней, как только запах блинов проникнет в мои ноздри. А пока что меня звал голос из кармана брюк. Маленький дух, запертый в кармане.

– Алекс, Алекс...

Это говорил Энтони. Вовсе не дух и совсем не запертый.

– Простите, Энтони; я не забыл о вас. Вернемся к нашему разговору. Итак, я говорил, что спортсмен, в том числе вы – современное подобие античного героя. Тот, кто совершает подвиги, о которых мечтает народ. Вы слушаете меня?

– Да, слушаю. О'кей насчет подвигов, но если я буду знать, что я современный Улисс, чем это мне поможет?

– Потерпите; нужно сформулировать понятия. Улисс

сложный персонаж. Гораздо более сложный, чем о нем говорят согласно традиции. Вы это поймете.

– Желаю понять.

– Вы собираетесь перейти в другой клуб?

– Не знаю.

– Я слышал вас по радио. Ваш голос очень хорошо воспринимается.

– Скажите это моему президенту.

– Я полагаю, у вас с ним напряженные отношения.

– Это самое меньшее, что можно сказать.

– Вы желаете покинуть Францию?

– Возможно.

– Я не журналист. Вы можете говорить.

– Я немного недоверчив. Поставьте себя на мое место.

– Профессиональная тайна, Энтони, профессиональная тайна.

Если говорить честно, в нашем сотрудничестве было больше любопытства, чем осознанной необходимости. Со мной говорил по телефону человек, который был в центре внимания всех французских масс-медиа, и он был в одном шаге от того, чтобы сказать мне, где он будет играть в следующем сезоне. Это же была бы сенсация! Если он не станет следовать моим советам насчет чтения и ему придет в голову не слишком вежливо отблагодарить меня за советы, у меня будет прекрасный предлог, чтобы установить контакт с каким-нибудь информационным каналом. Заработать немно-

го денег постыдным способом мне бы не повредило. Я стал бы кем-то вроде Артюра Рембо от библиотерапии, «плохим мальчиком». Я тоже, как Рембо, написал бы кому-нибудь из своих бывших учителей (но кому?), которого желал бы «огрابتь как подлец», как он сказал в одном из своих «Писем ясновидца». К несчастью, мое желание взбунтоваться против моего статуса честного человека было сметено следующей фразой Полстры. Я никогда не мог устоять против комплиментов, а он сказал:

– Я знаю, Алекс, что вы настоящий профессионал. Моя жена обожает Испанию. Может быть, мы поедем туда.

– По крайней мере, вы поживете при хорошей погоде.

– Но сейчас она и в Париже неплохая.

– Это правда, но, боюсь, это не продлится долго. Во всяком случае, вернемся к нашему чтению. Вам нужно бы прочитать главу о жизни Одиссея у Цирцеи и у Калипсо.

– Я это сделаю.

– И может быть, еще стихотворение дю Белле «Блаженны те, кто как Улисс...».

– Пришлите мне эту информацию эсэмэской: мне нечем ее записать.

– Давайте встретимся через два дня.

– Вы ничего не скажете обо мне?

– А что я мог бы сказать? Что ваша жена любит Испанию?

– Вы меня поняли.

– Я могу сказать, что вам нравится «Одиссея»?

– Да, без проблем. Хотя – нет, не говорите обо мне. Если пресса узнает, что я прохожу терапию...

– Половина французов проходят какую-нибудь терапию.

– Но не говорят об этом.

– Это верно. Так через два дня, Энтони?

– В какое время?

– В семнадцать часов, в моем кабинете.

– Значит, у вас, это мне не подходит.

– Сделайте усилие, это крайне важно. От этого зависит успех нашего сотрудничества.

– Отлично, я приду.

– И продолжайте читать. Я хотел бы поговорить с вами об эпизоде с сиренами.

Полстра закончил связь. Я не знал, услышал ли он конец моей фразы.

Возле кассы моя соседка стояла впереди меня. Банка варенья. Литр молока. Порция салата на одного человека. Два ломтя ветчины. Один рубленый бифштекс. Одиночество преследует одиноких людей даже в супермаркете. Глядя на ковер, двигавшийся под нашими ногами, я понимал тех, кто толкал перед собой тележку. У них семьи, они набрали для семьи много йогуртов. Целые слои продуктов. Продукты яркие. Для одиноких есть продукты в более тусклых упаковках: у одинокого дома нет других людей, которых товар должен прельстить.

Я набрал продукты – шесть литров молока, пирожки,

слишком сладкие напитки, полуфабрикаты из рыбы в сухарях и множество всего, что попало под руку. Лишь бы было много. Кассир понимающе улыбнулся мне, словно хотел сказать: «Да, если у человека есть семья, покупки – простое дело». Он не знал, что я живу один. Хотя я уже не так одинок: мне нужно будет распаковать и расставить по местам все эти продукты.

Укладывая все это продовольствие в свою тележку, я снова подумал о Полстре. Он сумел начать сеанс библиотерапии посреди супермаркета. Когда мне задают вопросы о книгах, мне безумно тяжело не ответить.

Немного высоты

Из Канады, где я жил какое-то время, я привез диплом по библиотерапии, который почти не встречается во Франции, и большую любовь к чтению на высоте. Чтение на крышах позволяет человеку укрыться от дураков. Меня научил ему Джеф, чистокровный житель Квебека с психическим расстройством (которое никак не было связано с его американским происхождением), пожиратель жареной картошки поквебекски с соленым сыром и сладковатым соусом, самого отвратительного блюда в истории человечества. Пока я читал, он фотографировал город. Подниматься вверх, чтобы описывать свои головокружения, – еще одна отсылка к Артюру Рембо. Джеф был таким же красавчиком, как этот поэт, но ничего не писал. Он был похож на Артюра Рембо во второй части его жизни, когда тот торговал оружием в Абиссинии, и был толще. Джеф любил меня, а я очень любил его снимки. Автострады на них были похожи на длинные и тонкие разноцветные леденцы, которые я ел в детстве. Только теперь не было риска заболеть кариесом. Это возвращение детских воспоминаний было обоснованным: те леденцы были изготовлены на основе веществ, произведенных из нефти. Короче говоря, Джеф научил меня забираться на самые высокие крыши города. Я придавал этому упражнению свою собственную окраску – таскал с собой в карманах книги. Мы

оставались вдвоем на крышах, одни в мире. Дружба на высоте. Как у Монтеня и Ла Боеси. Но всегда недоверчивая дружба. Джеф порой вызывал у меня беспокойство, когда пускался в длинные псевдопоэтические монологи. Он трубным голосом высказывал птицам, облакам, дымовым трубам свои дурацкие идеи, совершенно неожиданные, но всегда под девизом «бессмыслица». Джеф был похож на изящный труп, который стоит на ногах и гальванизирует себя словами, постепенно повышая их громкость. Заканчивал он криком. В такие минуты я боялся, что он сбросит меня с крыши, чтобы красиво закончить свою речь сюрреалистическим финалом. Я каждый раз отходил подальше от своего друга, когда чувствовал, что приближается конец монолога.

Когда я стал способен взбираться на вершины без его помощи, я стал проводить много часов подряд на крышах, читая. Никто мне не мешал. Только иногда птица, которую, может быть, когда-то потревожил Джеф, удивлялась, что встретила человека, и нарушала мое спокойствие. Но каждый из нас уважал желание другого остаться в покое. Я не кричал. Я поднимал в высоту книги, которые этого не стоили, и оставлял их птицам.

Вернувшись в Париж, я сохранил привычку подниматься на крыши. Но здесь все было труднее: это, несомненно, особенность Франции. Подниматься на парижские крыши казалось мне сложнее, чем сложное маневрирование между препятствиями перед въездом на Элизе (похоже на новый

вид автоспорта, он называется джимхана). Приятно было обманывать бдительность охранников или жильцов и ставить свои ноги над их головами. Читать, пока они ужинают, занимаются любовью, спорят между собой. Я никогда не беспокоил их, не пытался подсматривать за ними. Мне не было интересно смотреть на них. Мне было достаточно знать, что они здесь. Это казалось невероятным тем, кто замечал меня из своих квартир. Как будто подняться на большую высоту обязательно значит быть любителем подглядывания. В непохожести на других всегда есть что-то нездоровое, и порой оригинальность воспринимают как порок.

Сидя перед океаном серых красок и геометрическими фигурами из цинка, я позволял солнцу нежно танцевать на моих страницах, изменяя их цвет.

Танец солнца на крышах Оперы – незабываемое воспоминание. Танец солнца на моем экземпляре «Страданий юного Вертера». Лотта.

«Когда она, говоря что-нибудь, кладет свою ладонь на мою, когда во время беседы она приближается ко мне и ее божественное дыхание касается моих губ, мне кажется, что я падаю, словно в меня ударила молния».

Потом я убежал. В службе безопасности сказали: «Он хочет убить танцовщиц». Я не «он» и не террорист. Я библиотерапевт. Танцовщицы меня не интересуют, кроме тех, которые написаны на картинах Дега. Да и те слишком дорогие и старомодные.

Я предпочитаю роскошное здание с истерзанными телами. Потом пришлось давать объяснения в полицейском участке. «Покажите свое оружие!» Вот оно: книга из 220 страниц. Нет, я не сумасшедший. Да, фотография в удостоверении личности моя. Я подношу удостоверение к своему лицу. Смотрите! Это я! Я знаю, что сильно изменился. Не все полицейские физиономисты. Проверки заняли много часов. Полицейские брали мою фотографию и приставляли ее к моему виску, потом позвали специалиста по идентификации. На меня смотрели с улыбкой. Вскоре все выяснилось, и я пробормотал в свою рождающуюся бороду:

– «О смертный, как мечта из камня, я прекрасна».

– Вы что-то сказали?

– Ничего.

– Нет, я слышал, вы что-то сказали.

Это произнес специалист. Тот, кто с одного взгляда должен был понять, что я не человек с фотографии. Или наоборот. Этот специалист, должно быть, не узнавал собственных детей, когда они переодевались для карнавала. Как можно не увидеть, что я – это я?

– Я цитировал Бодлера. Стихотворение «Красота». Это карается законом?

– Читали стихи! Вы здесь не в школе. Но повторите-ка, я хочу послушать.

– «О смертный, как мечта из камня, я прекрасна».

– И что это значит?

– Не знаю.

– Значит, так можно говорить людям то, что они не понимают. Хитро придумано. Вы смеетесь над нами?

– Вовсе нет. Я просто расслаблялся, пока вы меня рассматривали.

– Вы знаете продолжение?

– Того, что происходит сейчас? Знаю ли, что со мной будет дальше?

– Нет, продолжение стихотворения. Вы ничего не поймете.

– «И грудь моя, что всех погубит чередой, сердца художников томит...»

– Хватит Бодлера; тебя достаточно долго слушали.

Потом я много часов сидел в камере-вытрезвителе: все остальные клетки были заняты. Это было уже слишком: я редко пью спиртное, и голова у меня от него не болит. Закончив проверки, они решили вернуть мне свободу. Правда, это только говорится «вернуть»: на самом деле мне ничего не вернули, меня толкнули к выходу. Два часа назад мне не позволяли сделать одному даже шаг. Меня конвоировали два полицейских, страдавшие от нехватки приключений. Со мной они могли играть в сильных и получать от этого удовольствие.

– Я могу забрать свою книгу?

– Ах да, ваша книга. Я не знаю, куда ее положил. Зайдите за ней позже: мне нужно выслушать еще несколько человек.

Я загружен по горло.

– Эта книга мне дорога.

– Успокойтесь. Вы же не станете устраивать скандал из-за какой-то книжки. Когда будете выходить отсюда, загляните в магазин сети Fnac. Там столько книжек!

Если хорошо подумать, его аргумент был похож на мое возражение маме после того, как я продал редкий экземпляр «Двадцати лет спустя», чтобы купить себе кроссовки для гандбола. Жизнь всегда заботится о том, чтобы нас наказать.

Человек доброй воли

Стук в дверь.

Я открываю ее. Отправляюсь в неизвестность. Я никого не оставляю равнодушным. Мгновение неуверенности. Мужчина, который стоит передо мной, не реагирует на мою нерешительность. Я чувствую, что внутри меня шевелятся какие-то образы, как в компьютере, в котором произошел сбой. Шум обогревателя. У мужчины на лице капли пота. Четыре этажа пешком: для этого нужно быть достойным меня или быть в полном отчаянии. Он болтается в слишком широком для него костюме. Костюм серый – одежда торгового агента, который ищет, кому бы продать товар. Осанка человека, который в жаркие летние дни водит автомобиль по столице, раздевшись до пояса. Обычно я отвечаю таким людям: «Ваш случай меня не интересует», но в этот раз – нет. Меня интересует, решится ли он начать разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.